

ВЛАДИМИР МАЛЫШЕВ

НЕОБЫКНОВЕННОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ
РИМА В АФИНЫ.
ПРИЗНАНИЯ
ЖУРНАЛИСТА

Владимир Малышев

**Необыкновенное путешествие
из Рима в Афины.
Признания журналиста**

«Алетейя»

2022

УДК 908(4)
ББК 26.89(4)

Малышев В. В.

Необыкновенное путешествие из Рима в Афины. Признания
журналиста / В. В. Малышев — «Алетейя», 2022

ISBN 978-5-00165-443-8

Стремительно летит время. Сегодня уже нет той Италии и той Греции, о которых идет рассказ в этой книге, написанной ее автором, много лет проработавшим в этих странах корреспондентом ТАСС. А значит описанные в ней события, люди и невероятные истории - кусок навсегда улетевшей в пропасть времени жизни. Жизни, многим неизвестной, а потому загадочной и привлекательной. Именно в этих странах разыгрывались тогда самые невероятные и драматические события, когда в Италии свирепствовала мафия, тайная масонская ложа П-2 готовила государственный переворот, в Ватикане отравили папу Римского, а неофашисты и леваки из «Красных бригад» убивали и похищали политиков. В Греции автор был первым, кто побывал на таинственной горе Афон, познакомился с легендарным коллекционером Костакисом, оказался участником поисков в Афинах убийц киллера Солоника, познакомился с внучкой князя Юсупова и Татьяной Фаберже. Ну, и конечно, в этой книге рассказывается о том, какие они, жители Италии и Греции, и чем удивительны для нас эти две необыкновенные и прекрасные страны. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 908(4)
ББК 26.89(4)

ISBN 978-5-00165-443-8

© Малышев В. В., 2022

© Алтейя, 2022

Содержание

Вступление	7
I. Линия на ветру	10
Поколение с погоста	10
Построение социализма в отдельно взятом Сомали	12
«Нам не дано предугадать...»	16
Круто я попал!	20
ТАСС уполномочен заявить...	23
Поезд «Москва-Рим»	25
Окраса южных дерев	28
Путешествие в историю	29
Прошлое под землей	33
Чувство Рима	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Малышев

Необыкновенное путешествие из Рима в Афины. Признания журналиста

*«Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша!
Получаем ли мы когда-нибудь, чего желаем? Достигаем ли того, к чему,
кажется, нарочно приготовлены наши силы?»*

Все происходит наоборот».
(Н. В. Гоголь. «Невский проспект»)

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ



© В. В. Малышев, 2022

© Издательство «Алтейя» (СПб.), 2022

Вступление

Поэтесса Ирина Одоевцева описывает в своих воспоминаниях такой случай. Однажды известный в начале прошлого века прозаик Константин Бальмонт в полубезумном состоянии выбросился в Петербурге из окна своей квартиры на третьем этаже. Однако угодил прямо в мусорную яму. А потому большого вреда падение ему не принесло, он лишь набил на голове огромную шишку. Но тут произошло чудо. Когда несчастного писателя подобрали в бессознательном состоянии и уложили в постель, он открыл глаза и, к ужасу окружающих, заговорил вдруг... гладкими, певучими стихами! Так шишка на голове сделала прозаика Бальмонта знаменитым поэтом...

Может, история с шишкой – всего лишь исторический анекдот. Но в жизни любого человека, даже самого обычного, происходит много необыкновенного. Взять ту же Ирину Одоевцеву. Эта дама была уже в весьма почтенном возрасте, когда, вернувшись на родину из Парижа, вдруг стала у нас необычайно знаменитой.

*Пусть Гумилев и злая пресса
Не назовут меня талантом,
Я маленькая поэтесса
С огромным бантом.*

Однако, «злая пресса» про ее стихи у нас давно забыла и лишь переизданные несколько лет назад в Москве замечательные книги воспоминаний «На бенрегах Невы» и на «Берегах Сены» вернула нам ее имя. Необыкновенная судьба поэтессы «с огромным бантом», скоротавшей большую часть своей жизни в эмиграции, оказалась куда интереснее ее стихов.

Кто-то из великих, кажется, Генрих Гейне, сказал на этот счет, что «человек – это вселенная, под каждым гробовым камнем погребена целая всемирная история». Правда, некоторые сразу возражат, что под одним «камнем» может оказаться Лев Толстой, под другим – Леонардо да Винчи, а под третьим – сантехник Иван Иванович Иванов. А потому каждому, кто взялся за перо с похвальным намерением описать некие события из собственной жизни, надо все-таки обладать известной долей отваги. А может, даже и некоторого нахальства. Но мы придерживаемся точки зрения «кажется Гейне». Даже, если и не повезло, и вы не набили, как Бальмонт, себе на голове шишку, почти каждому есть что рассказать, что будет интересно и другим. Тем более представителям нашей славной и, как полагают, очень древней профессии.

«Человек, – говорил академик Виктор Амбарцумян, – отличается от свиньи, в частности, тем, что иногда отрывает взгляд от корыта и смотрит на звезды».

«Это вы, что ли, смотрите? Папарацци хреновы! Ха-ха!» – саркастически усмеваются в ответ. Увы, в России называться журналистом (как, впрочем, и «демократом») стало сегодня как-то не вполне прилично. Некоторые из коллег залезли в это самое «корыто» по уши, причем, в самом буквальном смысле этого слова, и старательно полощут в нем свое и чужое «белье». (На телевидении была даже недавно такая передача, про «стирку»). Но в кои это веки в России хвалили журналистов? «Репортер не есть профессия приличная!» – воскликнул еще в XIX веке князь Мещерский. Да и позднее:

Из РОСТА

*На редактора
Начинаются литься
Сенсация за сенсацией,
Небылица за небылицей.*

*Нет у РОСТА лучшей радости,
Как вручить редактору невероятной гадости!*

Так писал товарищ Маяковский уже в советские времена. О государственном информационном агентстве! (РОСТА – так тогда называли нынешний ТАСС). Словом, журналистов ругали у нас всегда, во все времена, и все, кому не лень.

Так и сейчас. Все в природе вообще повторяется, идет по кругу. Думаете, что перестройку в нашей стране придумал Михаил Сергеевич Горбачев? А вот еще в 1908 (!) году в столице Российской империи петербургский поэт Саша Черный писал:

*Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться...*

В начале 1990-х годов некоторые товарищи из аналогичных служб тоже были не прочь с досады застрелиться. Кто тогда знал, что очень скоро иные из них поднимутся так высоко? Что все революции заканчиваются одинаково? А некоторые знали и очень давно. См. продолжение стихотворения того же Саши Черного:

*Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь спокоен —
Старый гнет вернется!*

Журналист пишет о том, что видит вокруг. Он не сочиняет, как писатель или поэт. Он – «ассенизатор и водовоз», по словам того же Маяковского, который одно время сам работал в РОСТА. Как Нестор в «Борисе Годунове» у Пушкина, журналист – летописец истории:

*Борис, Борис! все пред тобой трепещет...
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет...*

Сегодня именно наш брат, журналист, становится обладателем (и летописцем) самых страшных тайн и самих строго хранимых секретов. Не случайно, что, согласно международной статистике, именно журналист – самая опасная в наши времена профессия. Самый высокий процент «отстрела». Но... волков бояться, в лес не ходить! Назвался груздем, полезай... т. д.

Есть и еще одна причина, которая заставила меня взяться за эти заметки для книги. Желание сохранить прошлое. Что есть статьи в газетах? Песок, утекающий между пальцами. Радио и телевидение – звуки и изображения, улетающие в пространство. Verba volant, scripta manent, говорили древние. Слова улетают, а написанное, прежде всего книги, остается.

Вы, наверное, видели старый, но во все времена прекрасный американский фильм «Журналист из Рима» с красавцем Грегори Пеком и очаровательной Одри Хепберн в главных ролях. Крутая была работа у американского репортера в Италии! Хотя, это же, друзья, все-таки кино, голливудская байка. На самом деле ничего подного не было, да и быть не могло. А в жизни всё совсем не так. В том числе и у американских журналистов, а про наших и говорить нечего. Забугорные интрижки не только с принцессами, но и вообще, как таковые, бдительно пресекались компетентными товарищами на корню.

Хотя... Наши ребята, несмотря на парткомы, суровые выездные комиссии и «компетентных товарищей», – тоже были даже в те строгие времена не промах. Сумел же скромный служащий «Совфрахта» Сережа Каузов, например, окрутить самую завидную невесту в Европе – Кристину Онассис, наследницу богатейшего «золотого грека», судовладельца Аристотеля Онассиса, что вызвало переполох не только в ЦРУ, но и даже в Белом доме. Но в реальной жизни вся эта сказка закончилась печально. «Принцесса и нищий» потом тихо развелись, а миллиардерша Кристина умерла молодой, как подозревают, от передозировки наркотиков. Довольным осталось только ЦРУ: крупнейший в мире частный танкерный флот Онассиса под контроль СССР так и не попал.

Даже за неприступными, казалось, для страстей стенами советского посольства, (хотя тоже не в Риме, а в Афинах), был другой пример похожего приключения. Когда жена советского посла Игоря Андропова (да, да, сына всемогущего главы КГБ, а потом и самого генсека!) сбежала от него, как говорили, с барабанщиком джаз-банда. И тут конец был печальным – посла отозвали досрочно. Признаюсь, в моей забугорной жизни, таких головокружительных приключений не наблюдалось. Хотя я тоже был журналистом в Риме, а потом в Греции, сначала советским, а потом – российским.

Сам я – из Питера. Хотя в паспорте, в графе место рождения записано: «г. Таллин». А если точнее, родился я на военно-морской базе Поркалла-Удд, где на советской военно-морской базе недолго служил мой отец. Потом эту базу правительство СССР возвратило Финляндии, и моя семья вернулась в Ленинград. Как и все, учился в школе на Васильевском острове, потом окончил Ленинградский тогда университет. Сначала поступил на Восточный факультет, затем перешел на итальянское отделение факультета филологического. Учил иностранные языки, сначала персидский и арабский, а потом итальянский, английский и французский. Окончил, оглянулся, – а работы-то с языками в городе нет! Выдали свободный диплом – большая редкость по тем временам, когда всех принудительно распределяли, и сказали: трудоустраивайтесь, молодой человек, сами!

Что делать? Удалось перебраться в Москву, где поступил на работу в могущественное тогда Телеграфное агентство Советского Союза – ТАСС, который в те времена был «уполномочен заявить» (как это произошло, расскажу позднее). Оттуда, еще в советские времена, и началась моя заграничная эпопея. Сначала я работал корреспондентом ТАСС в Риме, а потом – в Афинах. Много лет с тех пор прошло...

А началось все еще в те времена, когда попасть на работу «за бугор» было для советского человека делом совершенно необычным – требовалось специальное «решение ЦК». О своей журналистской работе в Италии и в Греции, в которой произошло немало невероятных приключений, удивительных событий и интересных встреч, о своей жизни вдали от Родины, которая, как и у всех в нашей стране, переломилась пополам в 1991 году, я и рассказываю в этой книге. Это – записки вашего современника, записки и размышления о нашем бурном времени, об опыте другой жизни, которую вы не все знаете, и о наших соотечественниках за границей. Та «заграница», которую я описываю в этой книге, сегодня совсем уже не та, то тем более интересно будет узнать, какой же были в те времена Италия и Греция, самые интересные для нас, русских, европейские страны.

І. Линия на ветру

Поколение с погоста

Описанные в этой книге события начались в городе, который три раза менял свое название, более чем полвека тому назад. Итак, туманный Петербург, а тогда, конечно, Ленинград в тихую эпоху благословенного застоя. Благословенного потому, что недаром сказано: «Не приведи нас Господь жить в эпоху перемен!» А ведь привелось...

Петербург всегда был особым городом. Он не возник сам по себе, как Москва и другие города, а вырос, как известно, на болотах, среди холодных туманов по странной прихоти его Великого основателя. И построили его на костях. Впрочем, на них там и живут до сих пор. На моей «малой родине» – Васильевском острове, излюбленным местом проведения досуга его жителей было Смоленское православное кладбище. Как и все кладбища в те времена оно было сильно запущено и никем не охранялось. Пьяницы приходили туда «сообразить на троих», студенты готовились там к экзаменам, спортсмены играли среди забытых могил в волейбол, обыватели загорали в летний зной на заросших травой холмиках, а влюбленные занимались под кустами тем, чем им и положено. Словом, Бог знает что, творилось на этом тихом погосте!

Недавно услышал такую историю. На Смоленском кладбище, оказывается, похоронена няня Пушкина Арина Родионовна. Однако в советские времена в могилы, как и в квартиры, стали «подселять» из соображений экономии. Надгробную доску с могилы «подруги дней его суровых» перевернули и высекли на ней другое имя. Потом случайно, во время каких-то работ плиту снова перевернули, и так было обнаружено историческое погребение знаменитой няни. Потом, правда, пришли родственники нового покойника и плиту опять перевернули. Так, что вопрос до сих пор остается открытым: а была ли няня-то? Где-то там, среди сумрачных аллей лежала и, наверное, до сих пор лежит другая знаменитая могильная плита не просто с именем, а с философским изречением:

*Прохожий, бодрыми шагами
И я бродил между гробами,
Теперь лежу перед тобой,
Намек ты понимаешь мой?*

В советские времена кладбищенская тема вообще воспринималась бодро, со здоровым, «нашим советским» юмором. Как известно, большой друг советских детей Корней Чуковский любил в Ленинграде посещать первый в СССР крематорий, где, как он сам вспоминает, с друзьями и с веселыми прибаутками наблюдал, как сжигают покойников. А штатные куплетисты, подхихикивая, весело распевали тогда с эстрады:

*А на кладбище все спокойненько,
От общественности вдалеке,
Все культурненько, все пристойненько
И закусочка на бугорке!*

Не одно поколение советских людей выросло на кладбище. К нему так привыкли, что даже те, кто уехал, хотели потом на него вернуться. Нобелевский лауреат, поэт Иосиф Бродский, тоже из Питера, оказавшись далеко за океаном, не переставал твердить:

*Ни страны, ни погоста не хочу выбирать,
На Васильевский остров я приду умирать...*

В те времена и в других местах «кипучей и могучей» жили так же. И не надо далеко вместе с Солженицыным и Шаламовым в Магаданы ходить – в кладбище превратили даже Красную площадь, где возле погоста устраивали потом праздники и парады. Кстати, устраивают и до сих пор. А в Ленинграде большевики в погост превратили расположенное в самом центре Марсово поле, где до сих пор горожане гуляют среди могил.

Однако, что ж это я так мрачно? Да просто к тому, что все мы, родом из СССР, люди особые. Тем, кто родился позднее или в других краях, сытым и благополучным, нас не понять. В те легендарные уже теперь времена, когда на кладбищах в СССР было «все спокойненько», я был еще очень молод и потому в голову, как и положено, лезла всякая ерунда. Например, после школы я решил стать историком. Не подозревая, конечно, что очень скоро все историки, библиотекари и прочие выпускники гуманитарных ВУЗов великой страны окажутся нищими, и станут собирать в парках пустые бутылки в соображении, чего бы покушать.

Но я такие печальные перспективы предвидеть, конечно, не мог, а потому поступил на Восточный факультет Ленинградского тогда университета на отделение истории Ирана. Рядом со мной сидел тихий и застенчивый «юноша бледный со взором горящим» – Ванечка Стеблин-Каменский. Он все время, склонив голову и слегка прикусив язык, что-то старательно писал. Напильником стачивал перо у авторучки, чтобы получился персидский «галям» – так легче писать справа налево, и вырисовывал на бумаге замысловатую арабскую вязь. Прилежание, впрочем, не мешало Ванечке собирать неприличные анекдоты и всякого рода забавные стишки. Ведь то было время анекдотов. Одни их рассказывали, а другие за них сажали. А студент Восточного факультета старательно заносил услышанное на кусочки бумаги, составляя у себя дома специальную картотеку.

*Не можно вспомнить без улыбки года блаженство моего,
Когда все члены были гибки, за исключением одного.
Но быстро время пролетело, и вот, не я жду ничего:
Теперь все члены отвердели, за исключением одного...*

Не знаю, издал ли Ванечка потом свой оригинальный труд, когда анекдоты уже вышли из подполья. Когда впервые после долгого отсутствия приехал в Петербург и зашел на факультет – сколько лет там не был! – смотрю на одной из дверей аккуратная табличка: «Декан Восточного факультета, академик РАН И.М. Стеблин-Каменский»... Так что Ванечка оказался одним из немногих, кто доказал, что из всякого правила иногда бывают исключения. Можно было, оказывается, и у нас получить образование историка, и не оказаться потом в дураках. Впрочем, и в этой спокойной университетской обители снова произошли перемены. Декана-академика его ловкие коллеги переизбрали.

Другой мой приятель тех лет – Миша Орлов учился на японском отделении, за что и получил прозвище «Мишка-Япончик». Он пошел совсем по другому пути. В те легендарные уже годы, когда крыши домов украшали огромные лозунги «Слава КПСС!» и «Миру – мир!», на Восточный факультет брали, по преимуществу, юношей.

Там была военная кафедра и все потом после окончания, получив вместе с университетскими дипломами офицерские звания, двинулись стройными рядами в разные концы света. Кто – на Ближний Восток, кто – в Африку и Азию, а кто – на Кубу помогать освободившимся от колониального ига народам строить социализм. Кто в качестве военных переводчиков, кто переводчиком для советских строителей, а кто, как и Мишка-Япончик, совсем в другом качестве. Я тоже попал в эти ряды...

Построение социализма в отдельно взятом Сомали

После окончания третьего курса меня направили в далекую африканскую республику Сомали «на практику» переводчиком. Работать один год «по линии министерства сельского хозяйства РФ», как тогда говорили. Так я оказался в забытом Богом поселке Так-Ваджале, где-то возле Харгейсы, что на севере Сомали, где тогда еще не было никаких пиратов. Тамошние власти вдруг тоже вздумали строить социализм, и по этой причине крепко подружились с СССР. Наши начали, как это и было положено, с деревни: решили организовать для «сомалийских товарищей» госхоз. Завезли трактора, научили сомалийцев, у которых тогда еще не было даже своего письменного языка, на них ездить, показали, как пахать и сажать пшеницу. Но вот когда первый урожай был собран и сложен в закрома африканской родины, вдруг выяснилось, что пшеницу в Сомали никто не покупает, а покупают аборигены только муку. В СССР же не оказалось мельниц для мелкого помола, чтобы эту самую муку изготовлять. По этой причине смелый эксперимент с госхозом закончился тем, что собранное зерно сложили в огромную кучу, облили бензином и подожгли...

Точно таким же «синим пламенем» в самом буквальном смысле этого слова погорели и все другие, не менее смелые эксперименты со строительством социализма в этой далекой африканской республике. Построили на берегу моря «с братской помощью СССР» завод по производству рыбных консервов. Запустили с большой помпой и духовым оркестром. А потом (опять – вдруг!) выяснилось, что хотя рядом – море и рыбы в нем полно, но у сомалийцев нет сейнеров, чтобы эту самую рыбу ловить.

Или построили, опять же «с братской помощью СССР», завод по производству мясных консервов. В московских кабинетах, где все эти дела планировали, думали, что вот тут-то не просчитались – в Сомали тогда было полно всякого рогатого скота. Но вдруг (опять!) обнаружилось, что сомалийцы вообще не едят мясные консервы. А зачем? На местных рынках в изобилии продавалось свежее мясо, которое стоило гораздо дешевле, чем произведенные с помощью братского СССР консервы.

Таким же способом, как и в Сомали, мы бестолково помогали много лет всему миру, и успешно разоряли собственную страну. Строили никому не нужные заводы и создавали еще более бесполезные госхозы. Где-то в сомалийской боскалье, то бишь среди плоских равнин, покрытых колючим кустарником, по которым скачут одни только карликовые антилопы Диг-Диг, до сих пор, наверное, ржавеют скелеты тракторов «Беларусь», которые без всякой пользы для местных трудящихся поднимали африканскую целину. Как, впрочем, без особой пользы поднимали ее они и у нас в Казахстане – СССР, все равно, закупал зерно за границей.

Однако жизнь в африканском госхозе была для питерского студента полна приключений. Когда я прибыл в Так-Ваджале, то сразу же направился к своему новому начальнику – директору госхоза (назовем его «Иван Иванович»). Иван Иванович обитал в крепком каменном доме, которые построили еще англичане. Кстати, как скоро выяснилось, почти все в Сомали, кроме верблюдов и, разумеется, самих сомалийцев, было построено этими «колонизаторами-империалистами», как мы их тогда называли: дороги, мосты, каменные дома, колодцы и т. д.

Наш славный Иван Иванович до этого трудился директором госхоза где-то под Волгоградом. Успешно, наверное, раз его отправили в длительную загранкомандировку. Когда я вошел в дом, где обитал директор, то увидел грузного, голого до пояса и совершенно лысого «под Хрущева» мужчину. Его толстый живот непринужденно лежал на столе, на котором красовалась батарея пустых и уже покрытых красной африканской пылью бутылок. На бутылках, кроме пыли, к моему ужасу, были красные этикетки с надписями по-итальянски: «Чистый алкоголь. Только для внешнего использования».

• А, студент-президент! Приехал? – поднял на меня налитые кровью от беспробудного пьянства глаза мой будущий начальник. – Ну, давай знакомиться!

Иван Иванович ухватил огромной пятерней бутылку с грозной красной этикеткой, и умело наполнил до краев два «нашенских» граненых стакана, видимо, специально привезенных с собой из того же Волгограда.

• Так ведь это ж, для внешнего использования! – с испугом возразил «студент-президент», то есть, я. – Отравиться можно!

• Не бойсь, студент! – снисходительно усмехнулся Иван Иванович. – Мы тут эту хреновину давно потребляем – проверено: мин нет! Как наш самогон, только чуток ядренее. Ну, с приездом! Пей, студент, а то не сработаемся!

Я зажмурился и одним махом выпил стакан, а потому дальнейшие события моего первого дня в образцово-показательном сомалийском госхозе Так-Ваджале помню уже смутно...

Впрочем, скоро привык. Поскольку именно этим занимались в Так-Ваджале не только директор госхоза, но и наши военные специалисты, обучавшие свободных от колониального ига сомалийцев стрелять из пушек и ездить на танках. Хотя пили не только чистый спирт «для внешнего использования», но и какой-то местный коньяк из банановой кожуры – вещь куда более ядреная: неумеренного его потребителя потом надо было откачивать дня два. Кстати, сами сомалийцы, будучи мусульманами, спиртное не пили вообще. Зато усердно жевали листья «ката» – местного наркотика, который привозили на «Лэндроверах» или на наших «Волгах» из соседней Эфиопии.

О, легендарная советская «Волга» с никелированным оленем на капоте! О, легендарный корабль африканской пустыни! Нет, не недооценивали мы достижения своей собственной техники, и зря говорили о ней с иронией. Ведь именно «Волга» была в те времена единственной легковой машиной, которая могла преодолевать бездорожье и очень высоко ценилась среди африканских аборигенов. Поднимая клубы красной пыли, «Волги» мчались там, где не могли пройти никакие «Форды» и, тем более, хваленые «Мерседесы». Наша «Волга» и английский внедорожник «Лэндровер» – вот в те годы единственные механические «корабли африканской пустыни»!

Впрочем, знакомство с местными напитками в компании гостеприимного Иван Ивановича оказалось еще «цветочками». Было много и других не менее «веселых» приключений. До столовой наших военных специалистов, где я харчевался, на ужин приходилось добираться в полной темноте среди колючего кустарника. Порой из кустов доносился щелчок затвора автомата и гремел дикий возглас: «Сук, варья!» (Нечто вроде нашего: «Стой, мужик!»). В ответ на этот вопль надо было, как можно более небрежным тоном, уверенно отвечать; «Рашен!» (то есть, «Русский!»). Ибо, если в голосе звучала хотя бы легкая неуверенность, то сидевший в кустах в засаде сомалийский патруль – граница с враждебной Сомали Эфиопией была рядом, – мог отреагировать неадекватно, и, в результате, свободно принять русского переводчика за опасного эфиопского шпиона. Тогда из кустов незамедлительно гремел выстрел. К счастью, доблестные сомалийские солдаты из советских автоматов «Калашникова» стреляли так метко, что быть пораженным пулей бдительного патруля шансов практически не имелось.

Гораздо более опасным оказалось другое. Долгое время я ходил в столовую в «джап-сандалях», как называли наши военные специалисты, уже успевшие побывать во Вьетнаме, сандалии местного производства из резины автопокрышек, оставляющие всю ступню голой. Обувь приятная для ходьбы в африканскую жару, но, как оказалось, не вполне безопасная по ночам.

• Ты что, студент, так и ходишь? – удивился однажды один офицер, который, как и все наши военспецы щеголял в Сомали в белой кримпленовой рубашке с короткими рукавами. – А скорпионы? Не боишься? Цапнет за пятку, и – капут!

Оказалось, что кусты, мимо которых я каждый вечер пробирался на ужин в армейскую столовую, кишмя кишели этими отвратительными тварями. Перепугавшись, я купил высокие американские ботинки из белой парусины, под названием «Сахарашуз», или просто «шузня» на жаргоне наших военспецов.

Помимо военных и славных тружеников тыла, в лице Ивана Ивановича и его заместителя Петра Петровича, в Так-Ваджале иногда появлялись и другие наши соотечественники – рабочие строившегося по соседству, в Бербере под покровом глубокой тайны глубоководного порта. (Кстати, закончилась эта очередная «стройка социализма» тем, что возведенный советскими специалистами порт оказался через несколько лет базой американского флота!).

Приезжали эти славные строители к нам обычно по воскресеньям, когда работал местный рынок. Незабываемое это было зрелище! Представьте себе: огромный пыльный пустырь, залитый палящим африканским солнцем, ряды лавок, заваленные индийской мануфактурой и японской электроникой, столы мясников с грудami кровавых коровьих туш, над которыми роятся тучи громадных черных мух, и толпы совершенно черных женщин, но с правильными, европейским чертами лица, элегантно завернутых в пестрые ткани. Вдруг по рынку проносится волна тревоги, словно приближается ураган. Все оживляются, начинают суетиться. Затем вдали на горизонте, где виднеются синие силуэты далеких гор, появляется туча пыли. Туча приближается, растет и из нее вдруг выскакивает огромный ржавый и заляпанной до самой крыши грязью самосвал родимой марки «КрАЗ».

Самосвал на всех парах подлетает к рынку и из его кузова вываливается галдящая ватага загорелых потных людей, похожих на пиратов. В синих татуировках, тельняшках и пестрых рубашках-апаш с пальмами. Рожи все в пыли, но радостно скалятся, обнажая золотые или металлические коронки. В руках – не сабли и пистолеты, а огромные сумки или парусиновые мешки. Весело галдя, высадившийся из грузовка «десант» рассыпается по рынку. Видели бы их в этот момент суровые «ветераны партии», которые решали в те годы в выездных комиссиях вопросы о поездках за границу! Это были наши «технические специалисты» из Одессы – героические строители глубоководного порта, будущей базы для ВМС США – приехали на рынок в Так-Ваджале, чтобы «чуток отовариться». Купить пару-другую рулонов кружевного гипюра, прозрачных индийских косынок с золотыми нитками, носков из кримплена в модную полоску, шариковых авторучек с раздевающимися до гола девицами, дюжину итальянских плащей «Болонья» и другого ходового тогда в СССР товара. Продав его потом на родине строящегося коммунизма, можно было свободно купить кооперативную квартиру и, вообще, неплохо обеспечить себя и свою семью.

«Красный десант» на африканский рынок – нечто вроде местного анекдота, который, наверное, до сих пор живет в памяти сомалийского народа. Но иногда случались происшествия посерьезнее. Рядом со мной в комнате жил веселый учитель из Москвы по имени Володя, который преподавал наивным сомалийцам в местном колледже физику на английском языке, а в свободное время с увлечением рассказывал им же про успехи строительства в Сомали нового социалистического общества и щедрой помощи братского СССР. Володя был тощ, высок и голенаст. Настоящий американец, как две капли воды похожий тех, что болтались в те времена повсюду по Сомали, называя себя сотрудниками международного «Корпуса мира», «Пискроп», как окрестили их сомалийцы, пребывавшие, конечно, в абсолютной уверенности, что все эти янки – шпионы. Кстати, не без основания. Вот это сходство Володи с «пискроповцами» и сыграло с ним злую шутку. Однажды в нашу столовую прибежал взволнованный офицер.

• Идите скорее, – обратился он старшему группы, – там Володю сомалийцы расстреливают!

Оказалось, что когда голенастый учитель Володя спешил после лекций в колледже домой, то на пустыре его остановил бдительный сомалийский патруль.

• Сук, варья! Американ басас? («Стой, мужик! Ты – американский шпион?»), – сурово поинтересовался патруль. Володя снисходительно улыбнулся и стал объяснять, что он – никакой не шпион, а учитель из Москвы и преподает физику сомалийским детям. Однако на свою беду объяснял он это сомалийцам в красивых военных фуражках на английском языке.

«Ага! – смекнули сообразительные военные. – Раз говорит по-английски, то значит, точно, этот парень и в самом деле – «американ басас»!»

После чего, не долго думая, Володю схватили, прикрутили тут же к какому-то столбу колючей проволокой, передернули затворы автоматов «Калашникова» и собрались расстрелять на месте, как опасного американского шпиона. К счастью, мимо направлялся в столовую наш «военный специалист», которого солдаты патруля знали в лицо, и ему удалось в самый последний момент остановить неминуемую казнь.

Володя после этого случая как-то сразу загрустил, перестал с прежним энтузиазмом рассказывать своим чернокожим ученикам про успехи в строительстве социализма «в отдельно взятой Сомали» и скоро вообще вернулся в Москву.

«Нам не дано предугадать...»

Впрочем, я слишком отвлекся на африканские воспоминания. На отделении истории Ирана Восточного факультета ЛГУ мы учили сразу четыре иностранных языка. Первым был, разумеется, персидский, второй – арабский, третий – английский, а со второго курса нам добавили еще и афганский. Знать афганский в те годы! Буквально накануне введения нашего «ограниченного контингента» в Афганистан и начала долгой и кровопролитной войны. А военнотехническая специальность на военной кафедре у меня была такая, что если бы я оказался в «Афгане», то сразу бы попал туда, откуда мало кто вернулся живым. Но, видно, не судьба была...

Да и кто в те беззаботные годы «застоя» знал, что всего через несколько лет советский спецназ будет штурмовать дворец Амина, начнется война, об ужасах которой, нам, простым советским людям, станет известно лишь после того, как она закончится? Кто знал, что еще через несколько лет нашим мальчишкам придется на танках ехать уже по Чечне? Нет, «нам не дано предугадать»...

Впрочем, некоторые предсказывали. У Брежнева числился в первых помощниках Александров-Агентов – очень влиятельный в те времена человек. Свою дочь он пристроил у нас в ТАССе, где, разумеется, она долго не засиделась, а была оперативно направлена, конечно же, не на «стройку коммунизма» в Сибирь, а редактором отделения ТАСС в Италию. Когда я очутился в Риме его заведующим, то у меня «в подчинении» в роли корреспондентов оказались: уже упомянутая дочь первого помощника генсека, сын зампреда КГБ и сын известного московского академика. Как я, скромный приезжий из Питера (а в те времена это вовсе не было преимуществом), без «руки» и вообще без влиятельных родственников в Москве мог очутиться во главе такой солидной компании знатных отпрысков советского истеблишмента? Сам до сих пор не понимаю, как такое могло случиться. Впрочем, а ведь надо было же кому-то работать, «тянуть воз»...

Но я это к тому, что упомянутая дочка помощника генсека в минуту откровенности поведала, ссылаясь на своего папу, как тот предсказывал в узком кругу: «Вот некоторые сейчас критикуют: мол, застой, старики в Политбюро и т. п. Но погодите, товарищи! Придет время, и вы еще пожалеете об этих спокойных временах!» Кое-кто, конечно, до сих пор жалеет...

На втором году учебы на Восточном, я перешел сразу на второй курс Филологического факультета, на итальянское отделение. И только благодаря этому выбору мой жизненный путь привел меня не в пылающий войной Афганистан, а совсем в другие страны. А перевелся я потому, что еще до того, как я захотел стать историком, мечтал стать кинорежиссером. Даже тайком пытался поступить во ВГИК. Тайком, потому что потихоньку, никому ничего не говоря, послал документы в Москву на творческий конкурс. То есть, сваял еще большего дурака, и, разумеется, получил вполне законный «отлуп».

Впрочем, меня несколько извиняет тот факт, что я тогда не знал, что поступить на элитный, режиссерский факультет в те годы мог только сын знаменитого автора гимна СССР или, в крайнем случае, кто-нибудь, приехавший с Алтая, кого брали в рамках, так сказать, рабочекрестьянской разнарядки. Да и что я знал тогда, мальчишка с Васильевского острова, который в детстве занимался с приятелями тем, что таскал патроны у солдат на стрельбище и делал из них «бомбы»? Патрон раскрывался, порох из него пересыпался в металлическую шайбу, которая сверху завинчивалась болтом. Потом эта «бомба» бросалась из окна во двор или в пролет лестницы, где с ужасным грохотом взрывалась. Бомбометатели-балбесы, мы с восторгом наблюдали из какого-нибудь укромного уголка за паникой, которую вызывал наш очередной «теракт». Впрочем, тогда никто таких слов еще и не знал.

Популярными у нас были и были прыжки на полном ходу с трамваев, у которых тогда не было автоматически закрывающихся дверей. Прыжок мог оказаться удачным, а можно было и остаться без ног.

Другим любимым развлечением ленинградских мальчишек тех лет были путешествия по крышам сараев. Газ в квартиры еще не провели, и все питерские дворы загромождали разнокалиберные дровяные сараи. Прыгать с крыши на крышу – был наш любимый спорт, потому что никаких спортивных площадок нигде во дворах, конечно, не было. Но и опасный, разумеется. Иногда можно было ободраться до крови гвоздями, или свалиться вниз и свернуть себе шею.

Зимой, в любой мороз, мы шли с братом в наш сарай – у каждой семьи во дворе был свой – и пилили там при тусклом огне свечки дрова, которыми потом топили печь и кухонную плиту. В те годы Васильевский остров, где я провел школьные и студенческие годы, считался самым хулиганским в Питере районом. «И каждый вечер в час назначенный» из подворотен выходили вовсе не томные блоковские барышни, а бледные личности в брюках клеш и низко надвинутых на глаза, модных тогда мохнатых кепках-лондонках. Из темных переулков доносился громкий разбойничий свист и чьи-то жалобные крики: «Караул, грабят!». Возвращаться домой из школы, – а зимой в Питере темнеет рано, – надо было дворами, далеко стороной обходя эти опасные шайки.

Отец мой, морской офицер, всю войну провоевал на Балтике. До сих пор у меня сохранилась его фотография: бледный после ранения молодой капитан в черном кителе с орденом «Отечественной войны». Рядом – кудрявая совсем еще молодая девушка с модной тогда прической «а ля Нина Дурбин» – моя мать, которая во время войны работала в строительном батальоне – копала под окруженным Ленинградом противотанковые рвы и строила под немецкими бомбами «Дорогу жизни» через Ладожское озеро. За эти подвиги ее наградили медалью «За оборону Ленинграда». Что, впрочем, потом оказалось недостаточным, чтобы получать ветеранскую пенсию.

А где ваши военные документы? – строго спросили ее, как она потом мне рассказывала, в беседе.

Да вот, медалька «За оборону» есть... – робко ответила моя мать.

Медаль – это не документ! – решительно возразили вершители судеб питерских стариков и отправили ее восвояси.

Документы ее стройбата, конечно, не сохранились. Какие там документы! Когда мать с отцом вернулись после снятия блокады в нашу квартиру на 15-й линии Васильевского острова, то она оказалась пуста. Чтобы спастись от холода, соседи не только сожгли все книги и мебель, но даже доски от паркета. В дни помпезных празднований 300-летия Петербурга многие забыли, что в нем творилось в годы блокады. Мать рассказывала, что когда утром выходила из дома, то иногда трудно было открыть парадную: в ней стоймя стояли, плотно прижавшись друг к другу, окоченевшие покойники. При артобстреле люди не успевали добежать до убежищ и прятались в парадных, там их и убивали осколки. А трупы умерших от голода лежали в сугробах вдоль тротуаров, их долго никто не убирал. Когда я приезжаю в Питер и вхожу в свой дом, то всегда щупаю руками эту толстую дубовую дверь парадной, окрашенную уже в советские времена коричневой шаровой краской. Ведь она – сама история! Сколько всего видела! Дом был построен в 1913 году, о чем свидетельствует надпись, выложенная кафельной плиткой на фасаде, каким-то старательным немецким купцом.

А еще меня поразил рассказ матери о том, как их стройбат попал однажды под обстрел возле кладбища на окраине Ленинграда. Бомбы попали в могилы, и скрючившихся на земле девчонок в солдатских шинелях завалило сверху гробами и разорванными на части истлевшими покойниками. Так эти вчерашние школьницы и пролежали вместе с ними на обледенелой земле всю ночь. Натерпелись страха. А может, им приходили в голову и мысли вполне философские. Ведь «под каждой гробовой доской...» и т. д.

Какую же награду получили мои родители после этой ужасной войны? Нет, никто, слава Богу, не пострадал от репрессий, никого не посадили. Но отец был тяжело ранен и потом долго болел. Двое его братьев, мои дяди, умерли сразу после войны. Один был контужен в голову, пришел с фронта живым, стал играть в футбол – он был заядлым игроком, – мяч попал в раненую голову. Он пришел домой, лег и умер. Дедушки и бабушки и со стороны матери, и со стороны отца – все погибли в блокаду. Да, что я вам рассказываю! Обычная судьба, обычной питерской семьи...

Отец после войны стал пить, потом заболел, попал в больницу и тоже умер. «И чего пьют эти русские!? – брезгливо удивляются на Западе. – Что это за странный народ пьяниц и ленивых мечтателей-Обломовых?» А на долю какого другого народа в Европе выпали за минувший век такие страшные испытания, как на долю русского народа? К тому же нынешнее, страшное и повальное пьянство, никакая не «историческая традиция», а – коммунистический «подарок» России.

Пили, конечно, и при царе и крепко пили. Но несколько не больше, а даже еще и меньше, чем другие «просвещенные народы» Европы. Царская Россия была только на 14 месте в мире по потреблению крепких спиртных напитков. А знаменитая фраза князя Игоря – «веселие Руси есть нити», вовсе не имеет того комического смысла, который ей приписывали, что выпивохи, мол, русские. Как отмечал великий историк Лев Гумилев, это был древний воинский обряд, ритуал совместного питья вина вместе с дружиной, который объединял и от которого князь Игорь не мог отказаться. А настоящее, страшное, повальное пьянство, разрушающее семьи и уродующее жизни, началось уже в советские времена. Началось от отчаяния и безнадежности. Поколение же моего отца споили на фронте. Выдавали перед атаками спирт. А вот в царской армии во время войны 1914 года и вообще во всей России в то время был «сухой закон»!

Мать одна поднимала нас с братом, дала нам возможность окончить школу, а потом и университет. Крутилась, как могла. Работала продавщицей в магазине, потом шила ботинки на обувной фабрике. Помню, самым большим лакомством в те годы у нас дома был кусок булки, обсыпанный сверху сахаром. Однако, нет, не голодали, были – спасибо партии и правительству! – сыты. Были даже сравнительно неплохо одеты. Мать перелицовывала старые «трофейные» отцовские пальто и пиджаки, привезенные из Германии, где отец служил некоторое время уже после окончания войны. По специальности, он был горный инженер, работал в ГДР и возле Карловых Вар в тогдашней Чехословакии, где располагались секретные урановые рудники. Только в страшном сне могло присниться, что в начале 1990-х годов (ведь и никакой большой войны не было!) мой брат, инженер-химик, который к тому времени уже станет инвалидом (работал в институте с радиоактивными препаратами), станет собирать на улицах «собчаковского» Петербурга пустые бутылки, чтобы не умереть с голоду!

Так о чем это я? Ах, да, о кинематографе. Это были годы, когда все сходили с ума от итальянского кино. Увидеть на каком-нибудь просмотре затертую копию фильма «Евангелия от Матфея» Пазолини или «Ночей Кабирии» Феллини – было пределом мечтаний. Разве знал я тогда, что потом в Риме сам встречу с Феллини? Фотография с подписью этого великого режиссера до сих пор стоит на моем столе...

А для того, чтобы изучать итальянское кино, как я мечтал, надо было знать итальянский язык. За два месяца я прошел всю программу первого года обучения на итальянском отделении и был зачислен сразу на второй курс. Кино я тогда так и не стал заниматься. Когда окончил университет, мне выдали свободный диплом, распределения не проводилось вообще. Это было редкостью в те времена, когда всех распределяли на работу в принудительном порядке. Я же оказался предоставлен сам себе.

Свобода... «Свобода, бя, свобода, бя, свобода!», – как рычал потом с эстрады один популярный бард. Распределения, как я уже говорил, не было. Работу пришлось искать самому. Но как было найти ее в Ленинграде, без связей, с дипломом, где было написано: «преподава-

тель итальянского языка, учитель французского»? В лучшем случае можно было устроиться в «Интурист» и носить чемоданы за пьяными финнами или терпеливо объяснять заезжим итальянским коммунистам, почему они заблуждаются со своим «еврокоммунизмом».

Впрочем, шанс – раз! и сразу – в благополучные «дамки» у меня все-таки был. Когда я уже заканчивал университет, меня вызвали «на собеседование». В номере одной из известных ленинградских гостиниц сидели человек пять очень серьезных мужчин в темных костюмах. Они долго и внимательно оглядывали с ног до головы стоящего перед ними высокого и тощего юношу в очках, а потом один из них строго спросил: «Хотите на работу к нам?»

- Куда это «к вам»? – глупо переспросил я, хотя, конечно, догадывался, кто и зачем вызвал меня на собеседование.

- В органы! – лаконично уточнил строгий дядя.

Но что я мог им ответить? Помню, пробормотал нечто невразумительное. Мол, мечтаю о том, чтобы писать, заниматься кино и какую-то ерунду в этом же духе.

– Литературный труд? Это – тяжелый хлеб! – резонно заметил один из них. Покачал головой и тяжело вздохнул, как бы давая понять, какую глупость я делаю, отказываясь от столь заманчивой перспективы. А что такая перспектива, может, и в самом деле оказаться очень и очень заманчивой показало время. Достаточно вспомнить о невероятной карьере одного другого, известного всему миру выпускника Ленинградского университета. Да не только его одного...

Круто я попал!

Заботы по трудоустройству привели меня, в конце концов, в Москву, в ТАСС. Один московский знакомый, с которым мы подружились в Сомали, уже работал там и даже был секретарем комсомольской организации. По тем временам это значило немало. Узнав, что я маюсь без работы, он обещал помочь: «Кажется, – со значением сказал он, – нам нужны специалисты с итальянским». И добавил: «Уточню в кадрах...». Через некоторое время приятель действительно позвонил и все также коротко сказал: «Давай, старик, приезжай!».

Так я оказался в одном из самых привилегированных тогда в СССР мест – Телеграфном агентстве Советского Союза. Там, в Главной редакции иностранной информации и в самом деле нужен был редактор со знанием итальянского языка. «Круто я попал!», – как сказали бы теперь.

Опущу подробности переезда в Москву, который оказался совсем не легким. Я уже был женат и вариант «московской невесты», на что мне сразу и довольно прозрачно намекнул строгий начальник Управления кадров ТАСС Степан Матвеевич Герман, бывший офицер СМЕРШа, не проходил. Пришлось разминивать ленинградскую квартиру жены. В результате я оказался в крохотной комнатухе огромной коммуналки, но зато в самом центре столицы.

«Москва моя-я-я! Ты самая любимая-я-я!». Хорошо помню свой первый день в качестве столичного жителя. Я вошел поздно вечером в пустую комнату прямо с поезда «Ленинград-Москва» с легчайшим чемоданчиком в руке. По дороге в холодном плацкартном вагоне простудился, и голова раскалывалась от жара. Полученная в результате сложного обмена, комната была совершенно пуста. Пол толстым слоем покрывала пыль, на которой сохранились прямоугольные отпечатки мебели, вывезенной ее прежними обитателями – пожилыми супругами Брейтер, переехавшими в Ленинград. Соседка, пожалев новоявленного москвича, выдала мне раскладушку и старое одеяло. Так началась моя жизнь в столице нашей Родины Москве.

Первой покупкой стал шикарный пружинный матрас, на который я копил несколько месяцев. Потом приобрел в хозяйственном магазине четыре массивные пластмассовые банки, поставил на них матрас, и, в результате, получилась не менее шикарная кровать. После узкой и неудобной раскладушки она показалась мне царским ложе. Стол нашел на лестничной площадке, его хотели выбросить соседи, но я их уговорил отдать его мне. Потом приехала из Ленинграда жена и повесила в комнате занавески. После этого комната уже совсем стала похожа на обычное, «благоустроенное», как говорили в те времена, жилище советского гражданина.

Мне всегда было смешно читать описания Достоевским жизни нищего студента Раскольникова, который – ах, бедный! – ютился в двухкомнатной каморке, и щи ему готовила кухарка. Великий «инженер человеческих душ» времен царской России и представить себе не мог, какую жизнь устроят потом для обитателей его страны коммунисты. Причем, не где-нибудь на Колыме, а в самом центре Москвы и даже много лет спустя после окончания разрушительной войны.

Но мне еще повезло. В коммунальной квартире, где я поселился, было всего четыре комнаты, и, в каждой – всего по одному жильцу. Такая квартира называлась «малонаселенной». Под потолком громадной прихожей тускло мерцала электрическая лампочка, как бы напоминающая, что именно русский инженер Яблочков был ее изобретателем, а углы тонули в вечной темноте, свидетельствуя, в свою очередь, что это великое изобретение было сделано все-таки во времена Достоевского.

На кухне у каждого жильца имелся отдельный столик для «готовки» с куском старенькой клеенки. Покрытая несмываемым слоем жира газовая плита была одна на всех. Зато у каждого – своя собственная конфорка. Над водопроводным краном на ржавом гвоздике красовался

мятый листок бумаги: «Расписание дежурств по кухне». Когда и кому мыть полы, и убирать места общего пользования, то бишь, ванную и сортир.

Квартиру, наверное, никогда после Великой Октябрьской социалистической революции, как следует, не мыли, и потому в ней стоял ничем неистребимый запах какой-то гнили. А ведь жил-то я тогда в самом теперь престижном месте Москвы – в Трехпрудном переулке! Трехпрудный переулок, дом 11/13. Чтобы теперь купить квартиру в этом доме надо платить миллионы долларов!

*В переулок сходи Трехпрудный,
Если помнишь мои стихи...*

Писала когда-то Марина Цветаева. Ее дом тоже стоял в этом месте. Кажется, на том, где потом построили какое-то японское представительство. Я тогда, конечно, не догадывался, в каком заповедном уголке оказался и потому, как только появилась возможность, купил в ТАССе кооперативную квартиру и с восторгом покинул коммуналку в Трехпрудном переулке. О чем сейчас, разумеется, жалею...

В ТАССе моя зарплата составляла поначалу 120 рублей. Этого еле-еле хватало только на питание, поскольку большую ее часть мне приходилось отсылать жене в Ленинград. Обычно я покупал в магазине пачку риса и пакет молока и по воскресеньям варил рисовый суп. В будние дни обедал в ТАССе, где была дешевая и очень неплохая по советским стандартам столовая (биточки неизвестно из чего и компот из сухофруктов в мокрых стаканах!).

Кстати, я ничего не писал про шкаф. Какая же комната без шкафа? Но он мне был не нужен. Из гардероба у меня имелись всего лишь один пиджак и одна пара брюк. Пиджак был такой старый, что бахрому на рукавах приходилось для приличия время от времени обрезать ножницами.

Когда я в первый раз с трепетом вошел в Редакцию стран Западной Европы Главной редакции иностранной информации, где начал работать в должности младшего редактора, то меня поразили роскошные заграничные костюмы сотрудников, уже успевших побывать за рубежом. Заведующий редакцией Николай Демьянович Туркатенко, теперь уже, к сожалению, покойный, только что вернулся из Лондона. На нем был темно-зеленый пиджак английского твида, а в руке дымила настоящая английская трубка (в те времена в офисах еще можно было курить). А аромат от заграничного табака был – обалдеть! Пиджак Николай Демьянович всегда снимал и работал в редакции в подтяжках, что тоже выглядело вполне по-заграничному. Совсем, как знаменитый американский телекомментатор Ларри Кинг, о котором я тогда еще ничего не знал.

Вскоре я заметил, какой сильный отпечаток накладывает страна на человека, долго в ней прожившего. Туркатенко, много лет проработавший в Англии, выглядел как истинно британский джентльмен. Говорят, что его хорошо воспитанный сын, когда они вернулись из Лондона в Москву, входил в автобус и вежливо здоровался: «Доброе утро, джентльмены!» Представляете, какие физиономии были при этом у хмурых с утра «джентльменов» в переполненном московском автобусе времен зрелого застоя?

Другой тассовец, Володя Байдашин, долгое время работал в Индии. Конечно, что как уроженец Москвы, он не имел ни с Индией, ни с индусами ничего общего. Однако когда вернулся домой после многих лет работы в Дели, то при взгляде на него так и хотелось воскликнуть, как патриотично кричали в одном советско-индийском фильме: «Хинди – руси, бхай-бхай!» Глазки у него сузились, лицо пополнело: вылитый индус, да и только! Словом, влияет среда обитания на человека, еще как влияет!

Конечно, я тогда и не догадывался, что пройдет всего несколько лет, я побываю в Риме, вернусь оттуда в модном итальянском пиджаке в талию, а потом, еще несколько лет спустя, и сам сяду на место Туркатенко за стол заведующего Редакцией стран Западной Европы...

ТАСС уполномочен заявить...

ТАСС в те годы был в Москве одним из самых престижных мест работы, «выездной» организацией, откуда можно было попасть за границу. Таких благословенных мест в СССР было немного: МИД, ТАСС, АПН и Министерство внешней торговли. ТАСС, по сути дела, в те годы представлял из себя не просто «Телеграфное агентство Советского Союза», как он именовался официально, а был своего рода министерством информации.

Но все то, что поступало из него по телетайпам в редакции газет, на радио и телевидение, являлось лишь надводной частью огромного «айсберга» работы тассовских корреспондентов. Для печати предназначались лишь материалы, которые так и называли: «для печати». Это была так называемая «открытая» информация, для «простых» советских граждан. Но был и другой слой сообщений разной степени «закрытости», о тех фактах и событиях, о которых, по мнению тогдашних руководителей нашей страны, знать простым советским людям никак не полагалось. Выпускались, например, так называемые «Вестники для служебного пользования», в которые помещали материалы о событиях за рубежом не для газет, а для «специалистов» из разных институтов и интересующихся ведомств. Материалы из зарубежных СМИ, в которых происходившее в мире освещалось не так, как бы хотелось отделу пропаганды ЦК КПСС, ставили в вестник «АД». Такие буквы, отпечатанные грозной красной краской, стояли в правом верхнем углу листов бумаги, на которых он издавался очень небольшим тиражом.

Выносить эти листы из здания ТАССа у Никитских ворот было строго запрещено. Но самым секретным был вестник «ОЗП» (вестник «Закрытой печати»). Туда помещались сведения об «антисоветских событиях», статьях и заявлениях диссидентов и «отщепенцев», «антисоветские» высказывания западных политиков, резкая критика советского руководства в западной печати и т. п.

Был и еще один вестник, который большинство тассовцев вообще в глаза не видело, но на котором тогдашний Генеральный директор ТАСС Леонид Митрофанович Замятин сделал себе карьеру. Он назывался «Сводка». Предназначалась «Сводка» только для членов Политбюро и приравненных к ним по положению лиц. Идея «Сводки», как и все гениальное, была проста. Этот вестник, который выпускался ТАССом по утрам каждый день, состоял из простого и краткого перечня тех событий, которые произошли в мире. Причем, излагались они не так, как это тогда писалось в советских газетах, а безо всякой пропагандистской трескотни, – коротко, сама суть дела.

ТАСС был тогда самой информированной в нашей стране организацией. В него стекалась информация не только от корреспондентов со всего СССР, но и из десятков государств мира, где имелись отделения и корпункты ТАСС. Были страны, где не было наших посольств, но где сидели корреспонденты ТАСС. А по оперативности мы опережали и МИД и даже разведсеть ГРУ и КГБ за рубежом. Потому что тассовские корреспонденты передавали в Москву свои сообщения по открытым средствам связи, а другие пользовались шифрованными каналами, и много времени уходило на шифровку и дешифровку сообщений. В результате, когда каждое утро на столы к членам Политбюро ложились сводки сообщений ТАСС, МИДа, МВД и КГБ, то оказывалось, что ТАСС всех опережал.

Мало того, ТАСС в то время работал по ночам. Корреспонденты за границей ночью обрабатывали газеты, а в здании у Никитских ворот тоже ночью в поте лица трудились работники «Сводки». В результате преимущества «Сводки» быстро было замечено «наверху» и Замятин получил повышение – его назначили на специально созданную для него в ЦК должность – заведующим Отделом Международной информации. Заместителем в ЦК у него оказался его заместитель по ТАССу – комсомольский выдвиженец из Сочи Виталий Игнатенко. Именно он

в те времена был одним из главных организаторов «закрытой» информации для ЦК и самой свирепой цензуры для всей остальной части населения СССР.

В грозном 1991 году Игнатенко спас случай: в момент «путча», когда он числился пресс-секретарем Горбачева, он оказался в отпуске и не успел «засветиться». Как, например, «засветились», тогдашние руководители ТАСС, навсегда потерявшие свои высокие посты. Непотопляемый же Игнатенко снова вернулся в ТАСС и стал учить нас с вами уже не «преимуществам зрелого социализма», а демократии. Впрочем, сегодня он уже в ТАСС не работает...

Надо сказать, что в ТАССе мне сразу необыкновенно повезло. Я проработал там всего немногим более года и был направлен стажером в наше отделение в Риме. Поехал туда на полгода, а вернулся в Москву только через семь лет уже с должности заведующего отделением. Замечательное это было время! Итак, сначала рассказ о работе в Италии.

Поезд «Москва-Рим»

В памяти застрял забавный диалог из комедийного телефильма «Ехали в трамвае Ильф и Петров»:

- В Италии был?
- Был.
- Кьянти?
- Пил.
- Спагетии?
- Ел.
- Папу римского видел? И т. д.

Диалог этот сочинили все известные авторы. Интересно, что именно такие вопросы и в самом деле до сих пор часто задают тем, кто побывал в Италии. Задают потому, что мы привыкли мыслить стереотипами: например, в Африке жарко, а в Италии едят макароны и пьют вино под названием «кьянти».

Другой широко распространенный стереотип применительно к этой стране: Италия прекрасна!!! Не просто прекрасна, а обязательно с несколькими восклицательными знаками. Такое представление об этой южноевропейской стране распространено очень широко. Живет оно в нас давно, откуда-то еще с детства, благодаря восторженным отзывам об Италии Гоголя, Брюллова, Герцена, художника Иванова, которые в ней долго жили. Благодаря Пушкину, который в Италии никогда не был, но всегда ею восторгался:

*Адриатические волны,
О Брента! Нет, увижу вас...*

Всякий стереотип – это всегда нечто упрощенное. На самом деле идиллической, «прекрасной Италии» нет и никогда не было. Еще в прошлом веке, когда очарованной Италией Гоголь считал, что «вся Европа существует для того, чтобы смотреть, а Италия, чтобы жить», поэт Афанасий Фет признался в своем разочаровании:

*Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял, —
Но не такой душа тебя нашла,
И неродным мне воздух твой повеял.*

Чувства разочарования и горечи испытал позднее и Александр Блок, когда написал: «Хрипят твои автомобили, твои уродливы дома...» Интересно, чтобы написал он сейчас, увидев на древних улицах итальянских городов не десятки, а миллионы «хрипящих» автомобилей, вереницы уродливых бетонных коробок «доходных домов», понатыканных повсюду строительными спекулянтами? Особенно сейчас, когда их заполнили вдобавок ко всему еще и толпы иммигрантов с Востока и стран Африки. К счастью, в те времена, когда я работал в этой стране, их еще там не было. Но в Риме и в Милане было полно безработных и приехавших с отсталого Юга на заработки бедолаг. Вспомним хотя бы знаменитые фильмы неореалистов, в которых «прекрасной» Италию назвать никак нельзя. К тому же Италия – родина не только Данте, Микеланджело, Рафаэля, Верди и других корифеев мирового искусства, но и страна, в которой родился фашизм, где в 70–80 годах прошлого века гремели выстрелы террористов из «Красных бригад» и, где до сих пор никак не могут справиться с мафией.

И, тем не менее, Италией продолжают у нас восхищаться, Италию в России по-прежнему любят и продолжают считать страной необыкновенной. В этом постоянстве любви к Италии скрывается какая-то тайна. Лучше других это понимал, наверное, Гоголь. «Кто был в Италии, тот скажи “прости” другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю. Словом, Европа в сравнении с Италией всё равно, что день пасмурный в сравнении с днём солнечным», – восторженно писал он.

Впрочем, злые языки говорят, что Николай Васильевич с таким упоением отзывался о жизни в Италии не столько из-за ее красот и чудесного климата, а благодаря тому, что он мог жить там беззаботно на деньги, и немалые, которые ему лично высылал Николай I. И жил, по свидетельствам современников, действительно неплохо.

Известно, например, такое высказывание Николая I на этот счет в разговоре с Бенкендорфом: «Послал ему 40 тысяч, через три месяца снова просит. На что он тратит такие суммы? У меня сенаторы столько в год получают. А этот хохол за три месяца растратил. В рулетку играет? Дом строит? Копит? На женщин? Насколько я знаю, женщинами он не интересуется».

– «Нет, Ваше Величество, – ответил Бенкендорф. – Ни на то, ни другое, ни третье». – «Так что же?» «Прожирает, Ваше Величество!» – «Как! Такие суммы? Это невозможно!» – «И тем не менее... – развел руками Бенкендорф».

Когда эти деньги кончились, Гоголь обратился к друзьям, и Погодин, Аксаков и другие прислали ему еще. Радости Гоголя не было предела. «Сколько любви! Сколько забот! За что меня так любит Бог? Боже, я недостойн такой прекрасной любви!» – отвечал он им в благодарственном письме.

До сих пор помню тот «исторический» для нас момент, когда мы в марте 1973 года впервые пересекли на поезде границу Италии. Мы – это я, моя жена Татьяна и четырехмесячный сын Петя, которого один мой приятель перед нашим отъездом в Италию в шутку переименовал в Петруччо. Честно говоря, на самом деле этот «исторический» для нас момент мы проспали. Сборы перед отъездом были утомительными, а за два дня, проведенные с ребенком в синем международном вагоне поезда «Москва-Рим», устали еще больше.

Ночью нас разбудил пограничник, когда поезд уже стоял на итальянской станции Вилла-Опицина. Офицер даже не зашел в купе, а лишь бегло взглянул на паспорта, торопливо тиснул тут же в коридоре штамп и возвратил назад. Я думаю, неожиданное доверие к нашим персонам в те времена «холодной войны» возбудили, конечно, не наши синие служебные паспорта с «серпастым и молоткастым» гербом, а вид безмятежно спавшего на нижней полке Петруччо, который так и не проснулся до самого Рима.

После ухода пограничника поезд простоял недолго. Скрипнули тормоза, вагон качнулся и медленно двинулся вперед. Все быстрее и быстрее стучал он колесами, но теперь уже по итальянской земле. За окном темно, мелькают светлячки ночных огоньков, пустынные полустанки, гулкие бесконечные тоннели. За окном спала Италия. Легли спать и мы, устав напрасно всматриваться в молчаливую черноту.

Проснулись от протяжного крика: «Ареццо-о-о! Ста-а-а-цье ди Ареццо-о-о! В окно нашего купе било яркое солнце. На перроне толпились люди – усатые синьоры в шляпах и галстуках, молодежь в джинсах, матроны с пакетами и орущими «бамбини», железнодорожники, красивыми фуражками и выправкой, похожие на наших старорежимных офицеров. Смугло-волосый «капеллоне», длинноволосый парень в синей рубашке, с высокой, как этажерка, тележки бойко продает пассажирам прохладительные напитки и жевательную резинку. На бетонной скамье сидит монах в черной рясе, подпоясанный простой веревкой, и читает ватиканскую газету «Оссерваторе романо». Возле него весело галдит кучка молоденьких румяных солдат в сизых шинелях с новенькими чемоданами. Видно отслужили свой срок и спешат домой.

Раздался свисток – состав громыхнул буферами, и снова монотонно застучали колеса. Ареццо – это к югу от Флоренции. Родина Франческо Петрарки. Где-то неподалеку, в дере-

веньке Капрезе, родился и великий Микеланджело. Мелькнуло название всего лишь одного небольшого городишка, а сколько с ним связано славных имен! Такова Италия...

Поезд стучит колесами по области Тоскана. Говорят, что «Италия – сад Европы, Тоскана – сад Италии, а Флоренция – цветок Тосканы». Однако никаких садов из вагона поезда не видно.

По сторонам тянутся невысокие холмы – предгорья Апеннин, – поросшие пыльным кустарником и сорной травой, мелькают станции-близнецы со стандартными зданиями вокзалов из красного кирпича, пересохшие речушки, кладбища разбитых автомобилей, какие-то склады, заборы. Иногда поезд с адским грохотом ныряет в темные тоннели, и тогда в окнах не видно ничего, кроме собственного отражения в стекле.

Невзрачно выглядит Италия из окна вагона. И это не случайно. Железные дороги не выдержали конкуренции с автомобильным транспортом. Государство тратит на их развитие мало средств, в результате станции не ремонтируют, пути ржавеют, зарастают сорной травой, а некоторые железнодорожные вагоны можно использовать для съемок фильмов о послевоенной разрухе.

Унылая картина не изменилась и на окраинах Рима. Поезд снизил скорость и медленно тащился мимо бесконечных шеренг однообразных бетонных коробок многоэтажных домов, увешанных гирляндами сохнувшего белья, замусоренных пустырей,строек, заборов из гофрированной жести, свалок и мастерских. Закрывая небо, проплыла автомобильная эстакада, гудящая от сотен летящих по ней машин. На кирпичной стене намалеван черной краской лозунг: «MSI vince» (МСИ победит). А МСИ – это «Мовименто сочале итальяно» – так называлась тогда неофашистская партия. Рядом другая надпись, но уже красным спреем: *Brigate rosse* (Красные бригады) – название левацкой подпольной террористической организации.

Душераздирающе скрипя тормозами поезд вполз под бетонный навес центрального вокзала «Термини». Шум, грохот, треск, суета, чемоданы, носильщики, крики привокзальной толпы. Огромный, во всю стену вокзала, рекламный плакат: «Тонизирующий напиток «Сан-Пеллегрино» утолит вашу жажду. Всегда и везде – «Сан-Пеллегрино!»

Нас встретили и повезли на квартиру. Город показался таким же шумным и хаотичным, как и вокзал. Море маленьких, ярких, снующих повсюду с невероятной быстротой автомобилей, огромные зеленые автобусы АТАК с выхлопной трубой на крыше, сверкающие на солнце витрины бесчисленных магазинов, пыльные пальмы, фонтаны, зеленые ставни на фасадах закопченных зданий, остатки древних крепостных стен, уличные развалы с каким-то барахлом, белые фургончики «джелатайо» – мороженщиков, черные мундиры карабинеров, рекламы и плакаты политических партий, покрывающие стены и заборы...

Окраса южных деревьев

Когда мы, наконец, остались в квартире одни, то долго не могли прийти в себя. Мы не видели еще ни Колизея, ни Форума, ни других знаменитых памятников. Наемная квартира, в которой нас поселили, казалась холодной и неудобной, как и все съемные квартиры, где люди живут только короткое время.

Неужели это и есть тот Рим, «вечный город», о котором столько писали и рассказывали? Неужели все-таки был прав Блок, с горечью вспоминая об изуродованной индустриальным «прогрессом» Италии:

*Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дом,
Все европейской желтой пыли
Ты предала себя сама!*

В нашей квартире было три комнаты. В гостиной почти всю стену занимало огромное окно. Вроде бы красиво, но очень, как потом выяснилось, неудобно: зимой холодно, а летом нестерпимо жарко. Но так строить дешевле: вместо того, чтобы тратить дорогой кирпич, вставляют, как бы для красоты большие стекла.

Я подошел к окну и рассеянно потянул за брезентовый ремень, соединенный шарнирами с деревянными жалюзи. Жалюзи со скрипом поднялись, и перед глазами предстала необыкновенная картина: уютная, залитая золотым солнечным светом зеленая лужайка, старинная вилла с красной кирпичной крышей, поросшая кое-где изумрудным мхом, мраморная фигура Фавна возле крыльца, белые стулья, в живописном беспорядке разбросанные на аккуратно подстриженной лужайке. Тишина, покой, негромкое пение птиц... Картинка из какой-то иной, давно забытой жизни. Жизни, которой казалось, давно уже нет, да и быть не может в наш озабоченный и торопливый век. Но, нет, вот она, внизу, под глазами. Всего в двух шагах от шумных проспектов, забитых грохочущими автомобилями.

Над зеленой лужайкой и старинной виллой, четко вырисовываясь на нежно-голубом фоне прозрачного весеннего неба, поднимало большое дерево с широкой зонтичной кроной. Пиния! Я впервые видел это южное дерево. Оно поражало воображение многих, кто побывал в Италии. Гоголь называл его «краса южных деревьев римская пинна». Композитор Респики посвятил пинии симфонию, а венгерский художник Шонтвари – знаменитую картину.

У пинии тонкий, стройный ствол, который венчает изящная тенистая крона. Пинии растут в Риме повсюду, их строгие стройные силуэты – неотъемлемая часть городских пейзажей. Их можно увидеть и на Палатинском холме возле Форума, и на обочине древней Аппиевой дороги, и возле развалин акведуков, и среди стеклянных коробок небоскребов в ультрасовременном квартале ЭУР.

Пиния – удивительное дерево. Летом она дает густую прохладную тень, а зимой стойко выдерживает яростные порывы холодных ветров. Она хорошо переносит резкие перемены погоды, летний зной и неистовые зимние грозы. Если бы для Италии надо было выбрать символ, я бы выбрал пинию. В ней сочетаются красота и стойкость, нежность и сила, строгое изящество и прочность, ведь и Италия полна противоречий. Она, словно пиния на ветру, благодаря глубоко пущенным в землю корням вековой культуры стойко выдерживает порывы суровых ветров истории. Эта страна на перепутье, на перекрестке истории. Она не погибла, не зачахла именно благодаря этим глубоким корням. Несмотря на все кризисы, драмы и трагедии, она продолжает жить, поражая весь мир своей стойкостью и оптимизмом.

Путешествие в историю

Возле мраморной лестницы, ведущей на Капитолийский холм, расположенный в самом центре Рима, среди пыльных кустов стоит большая ржавая клетка. Одно время, как говорят, в ней жила настоящая волчица, и здесь постоянно толпятся туристы. Теперь клетка пуста. Волчицу давно «сократили», когда резко подскочили цены на мясо и муниципалитету стало накладно содержать прожорливого зверя.

Однако в Риме осталось еще немало волчиц – правда, из бронзы или мрамора. Ведь это символ города. Самая знаменитая из них находится сейчас в музее на Капитолийском холме. Ее называют «лупа капитолина» (капитолийская волчица). Говорят, что ее отлили еще в VI веке до н. э. Под отполированным веками до янтарного блеска брюхом бронзового зверя прилепились две крохотные фигурки – Ромула и Рема, которых добавили сюда позже – в XV веке. Экскурсовод в музее охотно расскажет известную всем со школьной скамьи легенду о том, как волчица выкормила брошенных в реку детей, как Ромул убил Рема, а затем основал город, названный его именем. Произошло это, согласно легенде, 21 апреля 753 года до н. э. Эта дата отмечается каждый год как официальный праздник – День основания Рима.

«Впрочем, весьма возможно, – с иронией пишет И. Монтанелли, автор популярной «Истории Рима», – что «лупа» на самом деле вовсе не была зверем, а женщиной по имени Акка Ларентия. Ее могли назвать таким нелестным именем из-за злобного и вспыльчивого характера, а также в связи с частыми прогулками с кавалерами в соседние леса».

Историки сейчас считают, что территория Италии была заселена еще за 30 тысяч лет до официальной даты основания «вечного города», а поселения в устье Тибра появились в I-м тысячелетии до н. э. Первый крупный город, возникший на территории нынешней столичной области Лацио, назывался Альба-Лонга. Именно его жители были одними из первых основателей Рима.

Однако есть и другие гипотезы. Считают. Например, что Рим (по-итальянски Roma) происходит от этрусского слова «румон» – река, а Ромул был не кто иной, как представитель этого таинственного народа, исчезнувшего с лица земли. Кстати, и бронзовая волчица, стоящая теперь в Капитолийском музее, также была отлита этрусками. Не исключено, что они были одними из основателей Рима, а следовательно, заложили основы древнеримской цивилизации.

Многие итальянские историки сейчас признают, что некоторыми успехами в области культуры и государственности римляне обязаны своим предшественникам – этрускам, выдающемуся народу древности, пришедшему на Апеннинский полуостров около XII–XIII века до н. э. первыми императорами Рима были именно этруски. Римляне заимствовали у них обычай чеканить монету, носить тогу, другие обычаи и традиции. Любопытно, что на древнеримских монетах изображены форштевни кораблей, а их в то время умели строить только этруски.

На берегу Тирренского моря (кстати, в переводе оно означает «Этрусское море») сохранились многочисленные некрополи этого древнего народа. Римляне переняли у этрусков многое, а когда сами окрепли, то безжалостно их истребили. Не только истребили, но и с непонятной яростью разрушили все их города, все, что было теми создано. Скучные знания об этом удивительном народе нам помогли получить находки, обнаруженные при раскопках этруских захоронений в окрестностях нынешних городов Тарквиния, Черветери, Арреццо и др.

В могилах этрусков были найдены терракотовые вазы, статуэтки, украшения, изделия из бронзы. По ним можно судить, какой высокой степени культуры достиг этот народ. У этрусков были города с населением в 30 тыс. человек, как Афины времен Перикла. Они умели строить осушительные каналы, имели канализационные системы; их торговцы смело пересекали Альпы и побывали там, куда римляне пришли только через несколько веков.

На этрусских вазах изображены люди в тогах, с длинными бородами и волосами. Пальцы их унижают перстни, а на шеях – ожерелья. Эти люди или пируют, или беседуют, или же занимаются спортивными играми. Именно этруски изобрели бокс, метание диска и молота. Мало того, на этрусских вазах изображены состязания, которые совсем недавно считали изобретением куда более позднего времени, например поло и коррида.

Большой свободой – а это показатель высокого уровня цивилизации – у этрусков пользовались женщины. Они участвовали в развлечениях и состязаниях наравне с мужчинами, играли на музыкальных инструментах, учились в школах. В археологическом музее во Флоренции есть терракотовый саркофаг, найденный в Кьюзи. На его крышке по этрускому обыкновению имеется рельефное изображение погребенного. В данном случае это женщина; надпись на стенке саркофага говорит, что ее звали Партия Сейанти. Терракотовая Лартия возлежит на боку на крышке собственной гробницы, опираясь на локоть одной руки, в которой держит кубок, и отодвигая другой рукой покрывало с лица. Голова женщины увенчана диадемой с цветочным узором, в ушах – серьги пирамидальной формы, на шее – ожерелье из продолговато-круглых камней, а на груди – подвеска в форме человеческой головы. На руке и предплечье видны браслеты изумительной красоты, а на пальцах – перстни.

Древние авторы уверяют, что этрусские ювелирные изделия были пределом совершенства и изысканной роскоши. Богатые этрусские женщины носили золотые короны и диадемы, преимущественно в виде лавровых венков, из тончайших пластинок с узором, передающим даже прожилки древесного листа, круглые и спиральные заколки и богато украшенные шпильки для волос. Золотые серьги, ожерелья, кольца, пряжки отличались огромным разнообразием форм, ажурной работой, декоративной пышностью, обилием драгоценных камней.

Несколько этрусских захоронений превращены в своеобразные музеи под открытым небом. Я посетил несколько таких захоронений под Тарквинией и в других местах. Могила представляет собой куполообразное сооружение, сложенное из тщательно отесанных больших камней. Камни без использования цемента умело подогнаны один к другому. Вовнутрь ведет низкий ход со ступеньками. Внутри полукругом расположены каменные скамьи, куда ставили предметы, с которыми хоронили покойников. По обычаю, в могилу клали все самые ценные вещи покойного: оружие, золото, драгоценные камни, вазы, статуэтки, ювелирные изделия. Именно по этой причине многие захоронения разграбили еще до того, как их обнаружили археологи. Но огромное число этрусских могил до сих пор скрыто под землей.

– Видите эти холмы на горизонте? – сказал мне Дарио, местный житель, провожавший нас на место раскопанных захоронений. – Это все этрусские могилы...

Зрелище было удивительным: до самого горизонта тянулись пологие холмы, покрытые виноградниками и оливковыми рощами. Их было даже не сотни – тысячи! По всей области Тоскана, на берегу Тирренского, или Этрусского, моря, под вековым слоем земли погребены тысячи таких кладбищ.

– Неподалеку, – рассказал Дарио, – есть озеро с крутыми берегами. После грозы местные жители приходят к нему с ведрами. Потоки воды вызывают оползни – отваливаются целые пласты земли, обнажая расположенные на берегу, под толстым слоем земли, этрусские могилы. Люди ходят по берегу, собирая в ведра вывалившиеся из подземных недр статуэтки, драгоценные украшения. Вон стоит большой каменный дом... – Дарио указал на расположенную возле дороги внушительную виллу из обожженного кирпича. – Его построил местный крестьянин на деньги, вырученные от продажи найденных на берегу озера этрусских сокровищ.

– Как же так? – удивился я. – Ведь археологические находки принадлежат государству. Или в Италии нет такого закона?

– Э, конечно, есть. – Наш экскурсовод пренебрежительно махнул рукой. – Но кто его соблюдает? Крестьяне думают: раз нашел в земле, значит, это мое. Ведь они считают себя потомками этрусков. Находка как бы наследство, оставленное родственниками.

– А почему археологи не ведут раскопки?

– Ведут. Но средств не хватает. Видите, сколько здесь могил! – Дарио снова обвел рукой бесконечную вереницу холмов на горизонте. – Раскопать все – нелегкая задача. Захоронения расположены на большой глубине. Нужна техника: тракторы, бульдозеры, нужны люди. А кто будет этим заниматься?

Пока мы разговаривали, возле раскрытой гробницы притормозил длинный черный «мерседес». Из него не спеша вышли двое рослых парней в темных очках и распахнутых кожаных куртках. Они воровато осмотрелись по сторонам и, заметив нас, сделали вид, что проверяют баллоны автомобиля. Потом вполголоса обменялись репликами, сели обратно в машину, дали задний ход и скрылись за поворотом.

– Вот кто занимается гробницами – томбароли! – сказал Дарио, глядя им вслед, и укоризненно покачал головой.

– «Томбароли»? Кто это?

– Томбароли, – объяснил Дарио, – те, кто грабят захоронения. Их название происходит от слова «томба» – могила. Они разъезжают здесь под видом туристов, разбивают палатки, а по ночам раскапывают холмы.

– А как же полиция?

– Полиция их ловит. Но они действуют очень осторожно. Да и разве можно охранять десятки квадратных километров? В Черветери, например, самые большие раскопки этрусских памятников ведутся на территории общей площадью 350 гектаров, да еще заповедной зоной объявлено 450 гектаров. Для сравнения можно сказать, что зона Помпей занимает территорию в семь раз меньшую. Томбароли рискуют, но добыча, видимо, стоит того. Знаете, сколько предлагают на международном рынке за одну этрусскую статуэтку?

Я не знаю, сколько стоит одна этрусская статуэтка. На мой взгляд, у нее вообще нет цены, ведь нельзя же наклеить ценник на историю целого народа. Но, увы, есть люди, которые думают иначе. В итальянских газетах то и дело мелькают сообщения о конфискации крупных партий археологических ценностей при попытке вывезти их за пределы Италии. Однажды по телевидению шла передача о торговле статуэтками и украшениями из этрусских гробниц в антикварных магазинах Швейцарии. Как эти ценности попали туда? Конечно, не без участия томбароли... Древние римляне уничтожили этрусскую цивилизацию, а теперь современные вандалы растаскивают даже то немногое, что от нее осталось.

Жаль, ведь об этрусках до сих пор мало что известно. Не ясно, в частности, откуда они пришли на Апеннинский полуостров. Геродот, например, считал, что они явились из Малой Азии. Известный этрусколог Карл Паули, мастер дешифровки этрусских надписей, доказал, что троянцы называли себя *troies*, а это тождественно имени «этриск».

Есть и еще одна волнующая теория происхождения этого таинственного народа. В 1944 году академик Н. С. Державин в книге «История русского народа» высказал предположение, что слово «Русь» (Рос) связано с этнонимом «этриск». Славянские народы у античных авторов (до VI века н. э.) носили имя «венеды». Но согласно всемирной истории Помпея Трога в обработке Юстина, «венеды были изгнаны Атенором из Трои», а Троя, как известно, располагалась в Малой Азии, так что если придерживаться гипотезы о малоазиатском происхождении этрусов, то можно проследить здесь генетическое родство славянских и этрусских племен.

Немало тому свидетельств уже собрано историками. Например, языческие праздники Нового года, Купалы и другие, сохранившиеся на Днепре до наших дней, отмечались еще в Трое, Фригии и у этрусов Италии, а некоторые были унаследованы Римом. Так, наш Купала – это этруская Церес или римская Церера. Обряды этого праздника на Украине и в Малой Азии абсолютно тождественны. Любопытно, что даже исконно, казалось бы, украинские блюда – борщ, колбаса, поджаренные бобы – были и римскими национальными блюдами.

Главными богами на Руси были Перун и Стрибог, воплощавшие зодиакальное созвездие Стрельца. Это боги грома и молний. Название же Стрибога восходит к этрусскому божеству Сатресу, повелевавшему молниями и громом.

Археологи нашли в Пьяченце сделанную из бронзы печень, служившую для гадания по внутренностям. На ней выбито имя главного бога этрусков Satres. К нему этимологически и семантически восходит латинское название созвездия Стрельца – Сагитариус, что означает буквально «кующий стрелы-молнии». Видимо, римляне сохранили для названия созвездия имя бога этрусков. Вспомним строки «Слова о полку Игореве» о ветрах – «стрибожьих внуках», веющих с моря стрелами-молниями.

Интересную, хотя и спорную гипотезу о генетическом родстве славян и этрусков выдвинул недавно киевский ученый А. Знойко. Если она верна, то, значит, можно задуматься не только о том, откуда все-таки пришли загадочные этруски, но и об истоках самой римской цивилизации.

Прошлое под землей

Впрочем, эта книга не об истории таинственных этрусках. Она – о современной Италии, хотя без истории здесь никак не обойтись. Именно поэтому в этой главе нам придется снова спуститься под землю. Многие загадки истории скрыты от нас в ее недрах. Сначала мы посетили подземные захоронения этрусков – быть может, основателей Древнего Рима. Теперь я предлагаю попутешествовать по подземным лабиринтам самого «вечного города», где скрываются не менее волнующие тайны.

Первую линию метро в Риме прокладывали двадцать лет. Одни объясняли это хитростью подрядчиков, которые умышленно затягивали строительство, надеясь сорвать с правительства побольше денег. Другие – тем, что рыть под итальянской столицей подземные тоннели крайне сложно. На пути римских «метростроителей» то и дело встречаются то фундаменты древних храмов, то обломки рухнувших дворцов, а то и целые похороненные под землей кварталы. При каждой находке работы приходится останавливать и ждать археологов.

Об одном таком эпизоде рассказывает Феллини в фильме «Рома». Строители подземного тоннеля неожиданно натолкнулись на стены хорошо сохранившегося дворца. Они заглянули внутрь и застыли в изумлении. Перед ними предстали удивительные по красоте древние фрески, о которых никогда не слыхали ученые. Но едва на роспись направили свет прожекторов, чтобы снять ее на пленку, как штукатурка осыпалась. В одно мгновение картины, пережившие века, превратились в пыль...

Но не все, что хранится под землей, утрачено безвозвратно. Археолог Паола Россетти установила, что под одним из центральных кварталов города погребены стены крупнейшего древнеримского амфитеатра – «Чирко Массимо». Этот цирк по своим размерам в три раза превосходит Колизей. На гигантских трибунах могли разместиться одновременно около 300 тысяч зрителей! Такого стадиона до сих пор нет нигде в мире.

«Чирко Массимо» можно было бы раскопать, но это невероятно трудная задача: надо сносить целые кварталы. К тому же гигантский амфитеатр далеко не единственное, что прячется в своем чреве «вечный город».

Одна из самых волнующих тайн «подземного Рима» – катакомбы, протянувшиеся под городом бесконечными галереями на десятки километров. Большинство входов и выходов в подземный лабиринт сейчас замуровано. Но есть несколько «официальных» входов в катакомбы, которые расположены в церквах. Один из них – в церкви Сант Аньезе на виа Номен-тана.

Чтобы спуститься в подземелье, надо договориться с «кустоде» (сторожем) – рыжебородым монахом по имени Арнальдо. Выглядит он весьма живописно: коричневая ряса, подпоясанная толстой веревкой, и сандалии на босу ногу. Служитель бога набил руку на проведении подземных экскурсий и не прочь поболтать с гостями.

– О, катакомбы – это очень опасное место, синьоры, очень опасное! – приговаривает он, гремя связкой ржавых ключей перед обитой железом дверью, ведущей в подземелье. – Некоторые пытались прогуляться там без моей помощи, но... – Он замолкает, делая вид, что никак не может найти нужный ключ.

– Что же с ними произошло? – спрашиваем мы, замирая в ожидании страшного ответа.

– Они гуляют там до сих пор, – усмехается монах, отворяя скрипучую железную дверь. – Мое подземелье не любит незваных гостей!

Крутые ступени ведут вниз, в холод и темноту. Задевая стены плечами, мы протискиваемся вслед за провожатым по узкому коридору, высеченному в вулканическом туфе.

Эта часть катакомб «электрифицирована». Монах то и дело щелкает выключателями, зажигая развешанные по дороге лампочки. Здесь холодно, но не сыро, поскольку вулканиче-

ский туф хорошо впитывает влагу. Вдоль стен, от «пола» до потолка, тянутся ярусы прямоугольных могил – так называемые локулы.

Покойников хоронили обернутыми тканью, без гроба. «Локулы» замуровывали кирпичом или мраморными плитами. На многих из них видны надписи, какие-то рисунки. Вырезанный на мраморе мастерок обозначает, что здесь похоронен каменщик; изображенная баранья нога указывает, что там покоится торговец мясом, и т. п. Мы спрашиваем Арнальдо, почему некоторые «локулы» пусты.

– Почему? – переспрашивает Арнальдо и охотно объясняет: – Пустые могилы – дело рук грабителей. Раньше покойников хоронили вместе с вещами. В могилу клали оружие, нередко украшения и драгоценности.

– А не боятся ли грабители бога? Воровать на кладбище...

– Бога? – Монах весело смеется и машет рукой. – Сейчас люди ничего не боятся. Раньше в церкви не решались украсть даже свечку, а теперь тащат все, что можно унести: картины, настенные украшения, даже распятия. Вы что, синьоры, не читаете газет?

Газеты мы читаем и поэтому не задаем больше глупых вопросов. Наш провожатый тем временем объясняет, что слово «катакомбы» происходит от греческого «катакумбас» – возлеям. Это название получила ложбина около Аппиевой дороги, где в естественных углублениях в земле находилось кладбище святого Себастьяна. Оно было единственным подземным захоронением, а позднее все христианские кладбища Рима стали называть катакомбами.

По словам Арнальдо, широко распространенная легенда, будто христиане жили в катакомбах, спасаясь там от преследований, не соответствует действительности. Катакомбы с самого начала были подземным кладбищем, где хоронили не только христиан, но и язычников. В те времена христиан еще не преследовали. Тот факт, что кладбище оказалось под землей, объясняется тем, что римские законы строго запрещали погребение умерших в черте города. А поскольку все места на его окраинах были заняты, то кладбища стали делать подземными. Этому способствовал и сам грунт – в податливом туфе было не трудно рыть тоннели, к тому же он хорошо впитывал влагу, и в подземелье всегда сухо.

В доказательство своих слов Арнальдо предлагает нам провести ладонью по стене. В самом деле, камень сухой и даже как будто теплый, в то время как на электрическом кабеле под потолком заметны капли воды.

В течение столетий подземные кладбища росли. Возникли многокилометровые коридоры и многоярусные ниши. Сегодня в Риме и его окрестностях найдено около 50 таких гигантских подземных кладбищ. По словам монаха, запутанный лабиринт катакомб пронизывает всю подземную часть города. Во многих местах есть ходы и выходы.

– А сейчас катакомбы как-нибудь используются? – спрашиваем мы словоохотливого чичероне.

– Сейчас? – Арнальдо смущенно теребит бороду. – Сейчас пользоваться катакомбами запрещено. – Он показывает на решетку, которая перегородивает один из боковых коридоров. – Открыта только небольшая часть для туристов, как, например, под нашей церковью. Говорят, что в годы войны тут прятались партизаны, были склады оружия. А кому нужны катакомбы сейчас?

– А это что за надписи? – спрашиваем мы провожатого, чтобы отвлечь его от щекотливой темы.

– Здесь написано: «Сегодня родился», – объясняет Арнальдо. Для христиан, верующих в воскрешение, день смерти считается одновременно и днем рождения для вечной жизни. Таким образом, день, когда человек умирает, считается днем его рождения.

Когда христиан начали преследовать, они уже не могли собираться на молитвы в частных домах, а начали сходить в катакомбах. Закон признавал в то время неприкосновенность мест погребения, а поэтому они могли чувствовать там себя в безопасности. В III веке н. э.

император Валерий приказал конфисковать территории всех христианских кладбищ, предупредив, что все застигнутые там будут схвачены и казнены. Во время нашествий варваров не только город, но и катакомбы подверглись грабежам. Позднее об их существовании постепенно забыли.

Арнальдо говорит громко, сочным голосом профессионального экскурсовода, однако в тесном пространстве подземного коридора звуки глохнут, словно придавленные сверху многометровой тяжестью земли. Неожиданно гаснет свет, и на несколько секунд мы оказываемся в кромешной темноте. Ноги сразу делаются ватными, а в ушах звенит от невероятной тишины. В голове мелькает шальная мысль о том, как страшно остаться навсегда в этом подземелье, среди молчаливых могил много сотен лет назад похороненных людей.

Бесконечные коридоры гигантского подземного кладбища еще более красноречиво, чем развалины Колизея, свидетельствуют о грандиозных масштабах ушедшей цивилизации. В I веке до н. э. в Риме проживало около миллиона человек. Вот они, эти миллионы, спят здесь, в подземных коридорах, вечным сном.

Там, высоко наверху, сейчас снуют машины, ходят люди, гремит большой современный город. А здесь холод, мрак, тишина. Но без этих миллионов, что погребены в лабиринтах катакомб, не было бы всего того, что построено и сделано наверху. Не было бы ни Рима, ни его истории, ни современной Италии. Чтобы понять современную страну и ее жителей, нужно всегда помнить, что она не сразу стала такой, как сейчас, надо знать и помнить ее историю.

...В подземелье снова вспыхивает свет, и все смущенно улыбаются, стараясь показать друг другу, что внезапная темнота никого не напугала. Арнальдо звучно откашливается и выразительно кладет руку на пристегнутый к поясу потертый кожаный кошелек.

Мы покорно лезем в карманы. Чичероне в рясе подбрасывает монеты и прячет их с быстротой фокусника.

– На благоустройство храма господня, – поясняет он, поглаживая рыжую бороду.

На бульваре Номентана нас оглушает рев мчащихся по асфальту машин. Несколько минут надо постоять, чтобы глаза привыкли к яркому солнцу.

Чувство Рима

В глухом переулке возле пьядцы Навона к черной от копоти стене прикреплена мраморная табличка. Под слоем вековой плесени с трудом можно разобрать полустертые буквы: «По приказу достопочтенного управителя состоянием дорог и улиц в этом месте строжайше запрещено бросать мусор. За нарушение сего распоряжения возлагается штраф в 10 эскудо. 9 ноября 1732 года».

За два с половиной столетия привычки жителей квартала не изменились. Словно в насмешку над грозным распоряжением «достопочтенного управителя», прямо под табличкой возвышается груда черных пластиковых мешков с гербом муниципалитета, в которые римляне складывают отбросы. Мусорщики, или «операторы экологической службы» (так их недавно решил называть профсоюз), видимо, редко заглядывают в переулок, и поэтому от мешков распространяется нестерпимое зловоние.

Впрочем, операторы от экологии, может быть, и не виноваты. Жители домов вокруг пьядцы Навона издавна славились строптивым нравом. Они нередко выступали против распоряжений властей. Историки считают, что начало непочтительного отношения к начальству положил проживавший здесь еще в XV веке острый на язык портной по имени Паскуино. Напротив его дома на невысоком пьедестале стоял торс древнеримской статуи с отбитыми руками. Соседи языкастого портного стали прикреплять к постаменту послания и записки сатирического содержания. Вначале они содержали ответы на насмешки остряка, а потом в них стала появляться критика властей, а то и самого папы римского.

Портной давно умер. Его именем стали называть статую, а «паскуинаты» – критические замечания – прикрепляют и пишут на пьедестале до сих пор. Кстати, от слова «паскуинаты» родилось слово «пасквиль». Однажды я увидел на камне надпись, которую сделал, вероятно, один из местных поборников чистоты:

*Куанто спорко, мамма миа!
Довэ гуарда ла полиция?
(Сколько грязи здесь лежит!
Что ж полиция молчит?)*

Но не только мусор на улицах создает неудобства для жителей столицы. Во вступлении я уже писал о том, как моя семья мерзла в феврале в Риме. Это может показаться странным – москвичи мерзнут в Италии! Но... Увы, это именно так. В наших московских квартирах, как только наступают холода, батареи пышут жаром, а в ванной и на кухне из кранов хлещет горячая вода. Иногда даже мы недовольны, что на улице потеплело, а батареи все еще не отключают. В Риме мы с нежностью вспоминали щедрую расточительность наших коммунальщиков.

Конечно, в Риме нет морозов. Но если за окном плюс пять, а в квартире не топят? Если каменный, как в большинстве домов Италии, пол холоден, как лед, а на кухне нет горячей воды? И к тому же у вас грудной ребенок со всеми вытекающими отсюда последствиями?

В Риме нет централизованной подачи горячей воды. В каждой квартире имеется отдельная электрическая колонка-кипятильник. Нагретой воды в бачке хватает для мытья лишь одному члену семьи. Следующему приходится ждать своей очереди часа два-три, пока не согреется новая порция. В это время нельзя мыть посуду на кухне, ибо горячая вода подается из того же кипятильника.

Конечно, воду можно вскипятить и в кастрюле на газовой плите. Но газовая плита снабжена счетчиком, и горе вам, если вы вовремя не оплатите счет газовой компании! На другой день в квартиру придут суровые «техники» с кожаными сумками через плечо, молча достанут

из них разводные ключи и так же молча отключат газ. Напрасно вы будете лепетать о том, что «случайно забыли уплатить», что «сегодня же заплатите», что «как же можно жить без газа» и т. п.

«Текничи» неумолимы. Так, наверное, неумолимы были сборщики налогов в Древнем Риме, готовые продать нарушителя закона в рабство. К счастью, сейчас в рабство не продают. После визита представителя газовой компании нужно стремглав бежать на почту и отстоять там часок-другой в очереди (у нас даже на главном почтамте не бывает таких очередей, как в почтовом отделении на площади Болонья, рядом с которой мы жили), а потом не менее стремительно нестись в контору газовой компании. Поблуждав там опять-таки часок-другой в поисках нужного чиновника, вы, наконец, передаете ему квитанцию об уплате счета за газ.

Но это не значит, что к вам тут же придут и включают газ. Отключают быстро, а включают «аль пью престо POSSIBILE» – так быстро, как это только возможно. В переводе с местного бюрократического языка это означает: через несколько дней. Все эти дни вы будете сидеть без горячей пищи. Конечно, можно подогреть обед и на электроплитке. Но тут тоже нельзя забывать о счетчике, но уже электрическом... А жаловаться некому: нет родного ДЭЗа, нет райисполкома. Впрочем, это в те времена мы удивлялись таким порядкам, а сегодня и в нашей стране – такие же прелести капитализма.

Есть, правда, хозяин дома. Однажды мы пришли к нему с жалобой: почему не работает отопление, а если работает, то только два часа в день, в то время как, согласно контракту о наеме помещения, пункт 12, подпункт «а», сдающий помещения «обязан обеспечивать в зимний период надлежащее тепло в них посредством включения соответствующих отопительных устройств в течение известного периода и не менее 4 часов в сутки»?

В ответ на мою гневную филиппику хозяин спокойно сложил на толстом животе руки и сладким голосом спросил:

– Хотите по чашечке кофе, синьоры?

– Нет, не хотим, – отказались мы. – Почему не работает отопление, как это предусмотрено контрактом, пункт 12, подпункт «а»?

– Жаль! – Хозяин заметно погрузнел. – Жаль, что не хотите. Кофе хороший. Дело в том, что мне опять не завезли топливо...

– При чем здесь топливо? – возражали мы. – Согласно контракту, вы обязаны...

– Увы, синьоры, – еще печальнее отвечал хозяин. – Не завезли топливо! Ох уж эти проклятые транснациональные корпорации! Цены растут, а бедной Италии нечем платить за нефть. Ну совсем нечем! Кстати, синьоры, по чашечке кофе?

– Да при чем здесь это?! У нас в квартире холодно! Если вы не будете топить, мы перестанем вносить квартплату!

– Ну зачем же так, синьоры! – Вконец расстроился хозяин, понимая, что мы не пойдем в штаб-квартиру итальянской нефтяной компании ЭНИ или «Бритиш петролеум», чтобы выяснить, когда же поступит нефть. – Не волнуйтесь! У меня есть небольшие запасы. Резервные, на крайний случай. Завтра же...

– Сегодня же!

– Ну хорошо, хорошо. Сегодня же... Сегодня вечером я включу отопление. Но что будет завтра... – Он развел руками и закатил глаза. – Не знаю, мадонна сантиссима, не знаю...

Счетчик стоял еще и на телефоне. Сколько минут поговоришь, за столько и заплатишь. Даже в тесном лифте «на две персоны» имелся металлический ящичек для монет. Нет в кармане мелочи – топай пешком!

Зато подъезд в доме был роскошный: цветы в кадках, на ступеньках мягкая ковровая дорожка, огромная входная дверь с большой медной ручкой, которую портят каждое утро остервенелое драил до сверхъестественного блеска.

Кстати, о дверях. В Италии входные двери домов – это массивные сооружения из мореного дуба или пуленепробиваемого стекла толщиной сантиметров тридцать с тяжелой медной ручкой и хитроумным замком. Не случайно их называют «Нортоне», то есть, не дверь, а «дверище». Такие двери, вероятно, остались от средневековья, когда они служили защитой от нападений воинственных соседей или шаек разбойников.

Мы приехали в Рим в разгар экономического кризиса. Резко подскочили цены не только на солярку для отопления, но и на бензин и другие виды жидкого топлива. Экономии на обогреве домов, стали выключать по ночам световую рекламу, а по воскресеньям запретили пользоваться автомобилями. Эти ограничения потом отменили, но в памяти осталось гнетущее впечатление погруженного во мрак огромного города, где ночную тишину нарушал лишь цокот копыт клячи решившего заработать на кризисе предприимчивого извозчика.

Но зима закончилась, и вслед за ней наступила весна. Это самое чудесное время года в Риме. Не идут больше ледяные дожди, небо радуется голубизной, горячее солнце прогоняет прочь надоевшую сырость, распускаются цветы. Торговцы выставляют в витринах яркие платья, светлые костюмы. Из распахнутых дверей баров гремят мелодии новых песен, написанных специально к летнему сезону, а люди за чашкой кофе у стойки оживленно обсуждают, кто куда поедет отдыхать. Весна – лучшее время для прогулок по городу: еще не жарко и не так много туристов, от которых летом не будет прохода.

В Риме не один центр, как, например, у нас в Москве Красная площадь, а несколько. Исторический центр – это Форум, Капитолийский и Палатинский холмы; торговый – многолюдная виа Национале; религиозный – площадь Святого Петра. Пьяцца Навона, площадь Испании, виа Маргутта – средоточие художников и туристов, а нарядная виа Венето – цитадель «сладкой жизни».

Пьяцца Венеции с памятником Виктору-Эммануилу II, королю, при котором произошло объединение Италии, – парадно-официальный центр «вечного города». Памятник представляет собой целый дворец. В глазах рябит от невероятного нагромождения мраморных колонн, портиков, бронзовых статуй и бесконечных лестниц. Монумент был закончен в 1911 году, и римляне тут же окрестили его «тортом».

Искусствоведы и историки заявили, что это нелепое сооружение уродует центр города, но их не послушали. Мраморный «торт» стал неотъемлемой частью «вечного города» и его истории. Здесь по праздникам проводят парады, здесь Муссолини кривлялся перед толпой и устраивал факельные шествия чернорубашечников.

Чтобы было удобнее маршировать, дуче приказал снести один из старинных кварталов между Колизеем и пьяццей Венеции. На его месте проложили широченную магистраль – аллею императорских форумов. Парады и в самом деле стало проводить удобнее, но историческому облику древнего центра города был нанесен непоправимый ущерб.

Вдоль аллеи среди чахлах акаций скучают бронзовые статуи римских императоров. Среди них и Юлий Цезарь. Пальцем правой руки он задумчиво показывает на небо, а левой – в сторону платной стоянки для автомобилей. Испачканный птицами монумент напоминает о тщетности человеческого стремления к славе. А ведь именно здесь Цезарь когда-то гордо шел среди ликующих толп во главе своих грозных легионов, а солдаты со смехом кричали ему вслед: «Перестань заглядываться на девок, лысый черт!»

Такова была традиция: чтобы триумфатор не зазнавался, толпа вместе с приветствиями выкрикивала язвительные замечания.

Со временем традиции изменились. Муссолини тоже не мог похвастаться густой растительностью на голове, однако никто не осмелился бы публично назвать его «лысым чертом». Во времена фашистских триумфов весь город был увешан плакатами с лаконичной надписью: «Дуче всегда прав».

Аллея императорских форумов упирается в кирпичную «чашу» с отколотым боком – Колизей. Это, пожалуй, самое знаменитое из сохранившихся до наших дней сооружение Древнего Рима. До сих пор его размеры впечатляют. Высота Колизея – 57 метров, длина по окружности – 627. Он был построен почти 2 тысячи лет назад, во времена императоров Флавиев. Его сооружали тысячи еврейских рабов на месте большого искусственного озера, примыкавшего к вилле Нерона. Цирк Флавиев прозвали Колизеем (что значит «огромный») не потому, что он был велик (как я уже писал, «стадион» Чирко Массимо был еще больше), а по имени стоявшей рядом гигантской позолоченной статуи Нерона, прозванной в народе «колоссом».

Стены Колизея сложены из узкого, хорошо обожженного так называемого римского кирпича. Раньше они были облицованы плитами из мрамора и травертина, державшимися с помощью железных скоб, от которых до сих пор сохранились отверстия. Состязания происходили на арене – громадной деревянной платформе, посыпанной песком, впитывавшим кровь гладиаторов и зверей. Песок по-итальянски «арена» – отсюда и пошло это название. Арену можно было наполнить водой, что позволяло разыгрывать «навмахии» – морские сражения с участием настоящих кораблей.

В жаркие дни специальные отряды матросов натягивали над амфитеатром «веларий» – полотняную крышу, чтобы предохранить зрителей от палящих лучей солнца. Колизей был, таким образом, первым крытым стадионом мира.

Теперь арены больше нет. Остались лишь изъеденные временем стены, которые поддерживали деревянную платформу. Хорошо видны также коридоры и помещения для зверей, которых поднимали наверх при помощи 32 подъемных машин – лифтов. Лифты тоже впервые появились в Риме.

В дни торжественного открытия цирка император Тит велел устроить грандиозный «праздник» – сражение гладиаторов между собой и борьбу гладиаторов с дикими зверями. Гладиаторы были вооружены специальными обоюдоострыми мечами – «гл ад пумами». В итоге кровавых «развлечений», которые продолжались сто (!) дней, погибли тысячи гладиаторов и пять тысяч диких зверей. Устраивались также сражения между рабами и приговоренными к смертной казни, которые были вынуждены сражаться не на жизнь, а на смерть. Кровавые забавы прекратились только в 404 году нашей эры.

Колизей построили настолько прочно и основательно, что это привело к рождению поговорки: «Когда рухнет Колизей, придет конец и Риму». Разрушить цирк не могли ни землетрясения, ни орды варваров, безжалостно грабивших Рим, ни средневековые пушки, ни многочисленные пожары. Однако самый большой вред уникальному сооружению нанесли сами итальянцы. В средние века они превратили его в своеобразную каменоломню, где добывали строительные материалы. Сорванные со стен плиты мрамора пережигали на известь, а статуи растащили для украшения дворцов князей и римских пап. В конце 70-х годов нынешнего века Колизей отреставрировали. Теперь можно подняться на его верхние этажи или спуститься в подвал, где устроен музей.

Не прав был французский поэт Дю Бюлле, когда писал в XVI веке о Риме:

Он побеждал чужие города,

*Себя он победил – судьба солдата.
И лишь несется Тибра желтая вода.
Что вечным мнилось, рухнуло, распалось.
Струя поспешная одна осталась.*

От древнего Рима осталось все же немало. Много еще можно было бы раскопать, но для этого пришлось бы сносить целые городские кварталы, которые были построены позднее и уже сами превратились в архитектурные памятники.

Больше всего поражает Форум (Форо Романо) – большая площадь рядом с Колизеем, сплошь покрытая руинами огромных храмов, триумфальных арок, обломками мраморных колонн, куски которых, словно кости доисторических животных, белеют среди травы и кустарника. Само слово «Форум» происходит, как считают, от слова «фора», которое древние обитатели Рима использовали для обозначения места, находящегося вне городских кварталов. Туда с ближайших холмов спускались пастухи и крестьяне для обмена продуктов на нужные им изделия, производимые в городе. Постепенно это место превратилось в центр общественной жизни. В эпоху расцвета Римской империи на территории Форума были воздвигнуты грандиозные храмы, памятники, дворцы и триумфальные арки.

В одном из музеев современного римского квартала ЭУР и на вилле императора Адриана можно увидеть пластиковые макеты древнего Рима. Какой же это был огромный и удивительный город! Во времена своего наивысшего расцвета (I–II века) в нем насчитывалось 423 храма, 33 триумфальных арки, 11 форумов (помимо главного – Форо романо), 5 цирков, 28 библиотек, 11 общедоступных баньтерм и тысячи других больших сооружений. Было даже торговое здание (базар Траяна) с рядами лавок на разных этажах – нечто вроде античного ГУМа.

В эпоху упадка Римской империи Форум, как и многие другие сооружения города, был разрушен, постепенно засыпан землей, а в средние века превратился в пустырь, где пасли коров и свиней. Его даже так и называли – «кампо ваччино» – коровий луг. Раскопки были начаты лишь в 1871 году французскими архитекторами и продолжаются до сих пор.

По центру города лучше ходить пешком. Ездить по нему на машине – задача адски трудная. Утром и вечером в часы пик все улицы и переулки, которые строились, конечно же без учета современного движения, плотно забиты рычащим, грохочущим стадом автомобилей, продвигающихся вперед со скоростью черепахи. Летом, когда палящие лучи солнца раскаляют машину так, что от прикосновения к кузову на ладонях остаются волдыри, шоферы и их пассажиры напоминают цыплят, которых медленно проваривают в паровой кастрюле. Остановиться передохнуть, поставить машину у тротуара и пойти дальше пешком нельзя: свободных мест для парковки нигде нет. Если не успел проехать в центр рано утром, до открытия магазинов и контор, то можно потом часами колесить по улицам и площадям центра, но найти свободный пятачок труднее, чем колодец в Сахаре. Нет мест и на платных стоянках.

Бывает, что у попавших в безнадежную пробку водителей не выдерживают нервы. Они выезжают на полосу встречного движения, едут прямо по тротуарам. Наказание неотвратимо. «Виджили урбани» (римские инспектора ГАИ) не свистят и вообще практически никогда не останавливают нарушителя. Они спокойно стоят с блокнотом у кромки тротуара. Заметив лихача, «виджиле» не спеша записывает в блокнот номер машины, место и время нарушения. Через неделю или две проштрафившийся водитель получает по почте квитанцию с предложением в трехдневный срок оплатить штраф. Горе тому, кто не подчинится! Еще через две недели он получит новую квитанцию, но штраф уже будет увеличен за просрочку в три раза. Если квитанция снова не будет оплачена, то вскоре в дверях вашей квартиры раздастся звонок и на пороге возникнет вежливый господин в форме судебного исполнителя.

– Вы не уплатили штраф, синьор? – тихо спросит он. – Вот постановление судьи. Придется описать вашу мебель...

Поэтому первое, что делает римский автомобилист, получивший штрафную квитанцию, – без промедления бежит в банк или на почту, чтобы ее оплатить.

Римские полицейские величественными монументами стоят на самом видном месте. Их высокий белый шлем заметен издали. Для водителей он служит предупреждением – надо сбавить скорость и внимательно следить за знаками. Само появление белого шлема «виджиле» на улице дисциплинирует водителей.

Однако надо признать, что римские водители вовсе не служат образцом в деле соблюдения правил уличного движения. Ездят, как попало. Особый шик – обогнать всех на све-

тофоре. А обогнав, сделать рукой отставшим характерный жест: «Попробуй догони!» Такие сценки можно наблюдать ежеминутно у каждого светофора. Это учитывают даже автомобильные фирмы. Одно из главных достоинств выпускаемых в Италии автомобилей – отличная приемистость, то есть способность с места развивать большую скорость. «Альфа-Ромео», например, обгонит, трогаясь с места, любую западногерманскую или американскую машину. У итальянских машин итальянский характер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.